

В этом году День Победы выпал на воскресенье. Храм, открытый в войну, даже на ранней обедне был полон народу, и Фаина с трудом, после длинной очереди, пробилась к церковному ящику отдать записки и

купить свечи. Староста строго просмотрел листки обёрточной бумаги, убросто исписанные округлым детским почерком, и сухо сказал:

— Три рубля маловато. Надо хотя бы пять.

Фаина безропотно отдала последний червонец, наскребла ещё

денег на пару свечек и передала их, как её когда-то научили в детстве, через правое плечо впереди стоящего:

— Празднику и Матушке нашей Владычице Богородице.

Толпой Фаину притиснуло к стенам храма, аккуратно между двумя кикотами, но амвон был хорошо виден, и Фаина внимательно следила за службой, время от времени повторяя знакомые с детства слова. Антипастаха — в народе её обычно звали Красной Горкой — почти не отличалась от Светлого Христова Воскресения, и ощущение праздника сохранялось во всём: и в радостном возгласе «Христос Воскресе», и в многократном повторении хором пасхального тропаря, и в цветах, украшавших весь храм и даже крест в руках священника. Читали зачало из Евангелия об уверении Фомы, и Фаина внимательно слушала, искренне удивляясь, как можно было не поверить очевидному: «...Аще ни вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры».

От горящих свечей несло нестерпимым жаром. Алтарники, стоя на солее, высоко над головами поднимали щиты с написанными крупными буквами Символом веры и Молитвы Господней, чтобы верующие,

не знавшие богослужения, могли их петь вместе с хором. И душу постепенно наполняло светлое и радостное чувство, как будто впереди всех ждало только хорошее, только светлое, как грядущий солнечный день. Настроение не смогла испортить даже толчея в дверях храма: пришедшие к поздней обедне торопились занять места поудобнее и мешали выходу, но никто не ругался, а все только посмеивались и весело приговаривали:

— Не теснота губит, а лихота.

На улице ещё чувствовалась утренняя прохлада, и после духоты храма Фаина даже немного замёрзла в лёгком светлом платье с отложным кружевным воротничком и в такой же лёгкой косынке. В храм женщины — в основном вдовы и матери погибших — приходили в тёмных одеждах и некоторые косились в сторону Фаины, так что она невольно чувствовала себя белой вороной. Но другого приличного платья у неё не было. Она сшила его к окончанию школы, в нём же вышла замуж, в нём же провожала мужа на фронт.

Солнце слепило глаза, и чистое небо обещало не по-весеннему жаркий день. Деревья совсем недавно покрылись листвой, яркой и мокрой после ночного дождя, и трудно было

Николай Дмитриевич Егоров родился 31 августа 1960 г. в Москве. После окончания школы в 1977 г. работал в Центральном государственном архиве Советской армии (ныне — Российский государственный военный архив). В 1983 закончил вечернее отделение Московского государственного историко-архивного института, в 1985–1989 годах — учился там же в заочной аспирантуре. Кандидат исторических наук (1989). С 2000 г. работал в Церковном издательстве (Братство во имя Всемилостивого Спаса). С 2012 г. — старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

поверить, что вскоре зелень посе- реет, пожухнет, покроется пылью от злых степных суховеев. На главной площади городка уже началось что- то вроде митинга. Играл духовой ор- кестр, а председатель райисполкома говорил какую-то речь. Среди муж- чин преобладали недавно демоби- лизованные, в гимнастёрках и ките- лях защитного цвета.

Одна из фигур показалась до боли знакомой. «Неужели он», — подумала Фаина и быстрым шагом двинулась вперёд. Человек обернул- ся в тот самый момент, когда она хо- тала прикоснуться к его руке. Моло- дое симпатичное незнакомое лицо. Оставалось только извиниться, что опоздалась.

До дома было рукой подать. Вет- хий особнячок стоял на самом вер- ху улицы, на краю пологого склона. Когда-то он принадлежал дедушке и бабушке Фаины, в революцию его национализировали, плотно засели- ли новыми жильцами, а бывшим хо- зяевам оставили крохотную светёл- ку в мезонине. Зимой там бывало холодно, летом — нестерпимо жарко и душно, зато из окна открывался чудесный вид на много вёрст до са- мого горизонта. Впрочем, и дедушка с бабушкой, и родители давно умер- ли, а в комнате теперь жила только Фаина с маленькой дочкой. Валя уже не спала, но лежала в кровати и смо- трела какую-то книжку.

— Амнесегодня папа приснился, — радостно сообщила она. — Такой светлый и весёлый.

Фаина грустно улыбнулась. Валя видела отца только на фотографиях.

Она родилась полгода спустя после ухода Алексея на фронт, где тот и пропал без вести последним воен- ным летом, в окружении под Варша- вой, когда советские танковые кор- пуса тщетно пытались прорваться к восставшему городу и, расстреляв боеприпасы, потеряв всю матери- альную часть, медленно и ожесто- чённо откатывались на восток под ударами вермахта.

Фаина тихо заперла дверь на ключ, вывернула лампочку над сто- лом и ввернула «жулика» — цоколь разбитой лампочки, соединённый при помощи обычной винной проб- ки и пары проводков с розеткой. Через это устройство она включила электрический чайник. Использо- вать электронагревательные прибо- ры строжайше запрещалось и могло грозить большими неприятностями. Но выхода не было, и почти все оби- татели дома прибегали к этому не- хитрому устройству. Вода быстро за- кипела. Фаина заварила чай, вверну- ла лампочку на место и так же тихо отперла дверь. На завтрак пошли последняя пара крашенных яиц и не- много зачерствевший кусок кулича. Фаина жадно выпила несколько ста- канов пустого чаю, а Вале все под- кладывала сахар и подливала моло- ко — девочка росла худой и бледной, как многие послевоенные дети.

Когда Валя пошла вниз, на кухню, вымыть посуду, Фаина села в старое кресло у окна. Ей с детства нрави- лось любоваться пологим склоном, усыпанным крышами в зелени са- дов, речкой Черемшан, сейчас такой узкой и тихой, окаймлённой лугами,

далёкой Пушкарской слободой — её жители издавна славилась безалаберностью и склонностью к ссорам — и даже старым кладбищем, на котором уже давно никого не хоронили. Теперь оно заросло огромными осоками, а между ними краснела полуразрушенная церковь. Про кладбище ходила дурная слава как о месте, где собираются ведьмы и колдуны, а за полночь — очень просто можно встретить ожившего покойника, или кого-нибудь ещё страшнее. Но, тем не менее, каждый вечер там уединялись влюблённые парочки, благо уединённых мест для прогулок в городе было не так уж и много, а бывших солдат, прошедших ад войны, встреча с нечистой силой совсем не пугала. Фаина вспомнила, как они с Алексеем любили посидеть здесь у окна, как мечтали о будущей жизни. Она привела сюда мужа из рабочего общежития, где в комнате теснилось чуть ли не по десять человек, и эта светёлка казалась им райским уголком. Они надеялись: Алексей выучится на инженера, начнёт хорошо зарабатывать, они купят дом, и родится много детей. Война перечеркнула все планы.

После церкви, прогулки через весь город и чая с куличом наступило умиротворение. Исчезло желание думать о чём-то, даже о насущных делах. Хотелось просто сидеть и наслаждаться прекрасным утром. И то, что Фаина оставила в церкви последние деньги, а аванс нужно было ещё ждать, её не беспокоило. Оставались крупа и мука, можно было прожить на кашке и оладушках, а с

молочницей — молоко покупалось исключительно для дочки — она рассчитывалась в конце недели, когда зарплату уже выдадут.

О сегодняшнем обеде вообще не стоило беспокоиться. Праздник оставался праздником, хоть и перестал быть нерабочим днём. Во дворе под раскидистой липой соседские мужики из досок соорудили стол и вдоль него — длинные скамейки, женщины покрыли его разномастными скатертями и постепенно заставляли посудой и мисками со снедью. Фаина послала Валю отнести свою долю — кастрюлю со сваренными овощами для винегрета и буханку чёрного хлеба. Ей самой было немного стыдно идти с такой столь скудной лептой, тем более что за столом — Фаина хорошо знала — Валя будет больше обращать внимание на колбасу и холодец, чем на овощи.

А на подоконнике соседского раскрытого окна уже заиграл патефон. Козин, Виноградов, Хочинский сменяли друг друга. А когда патефон замолкал, безногий дядя Витя на трофейном аккордеоне наигрывал что-то своё. Фаина хотела было помочь соседкам готовить и накрывать на стол, но рук хватало, и её бесцеремонно отослали со словами: «Посиди, барынька, отдохни. А то краше в гроб кладут». За грубостью скрывалась общая любовь всех обитателей дома к Фаине, может, потому что она совсем молоденькой стала вдовой и одна, такая болезненная, воспитывала дочку; а может потому, что в городе до сих пор с уважением вспоминали её деда, безуко-

ризенно-честного и порядочного человека. Тот служил по почтовому ведомству в баснословно далёкие времена, когда письма и посылки доставлялись конными тройками с вечно пьяными ямщиками, а служащие носили форму, напоминавшую военные мундиры, с шашками у пояса.

Разговор за столом сразу же зашёл о недавней войне и о том, будет ли новая война и как скоро. И большинство как-то обречённо сошлось во мнении, что очередной войны не миновать, а ждать её следует в ближайшее время. Когда мужчины немного подвыпили и задымили — городок славился крепчайшим самосадом, от которого даже у некурящих першило в горле и выступали слёзы — то все стали вспоминать различные истории, произошедшие на войне — то трагические, то весёлые. Вспоминали нелепые случаи смерти, близких, погибших в последние дни войны, когда уже всё говорило о мире. Один из соседей по дому сложил голову в последнюю японскую войну, которую и за войну-то никто не считал, буквально за день до её окончания. А вслед за ними потянулись рассказы о чудесном спасении, о людях, которых все считали погибшими, а они внезапно обретались живыми и здоровыми.

Фаина жадно слушала, и ей казалось, что Алексей вот также однажды войдёт во двор, худой и усталый, и радостно скажет: «Вот и я», как он всегда говорил, возвращаясь с работы. В извещении говорилось, что он пропал без вести, а потом пришло

письмо от однополчанина, и Фаина узнала, что, когда муж ремонтировал подбитый танк — он служил в ремонтно-восстановительном батальоне — внезапно появились немцы, все бросились кто куда, а когда опомнились и собрались, её Алексея среди товарищей не оказалось. То, что мужа никто не видел убитым, давало слабую надежду, в которую так хотелось верить. И это упование особенно усиливалось ощущением пасхальной радости, которая никак не хотела уходить. На Радоницу молящихся в храме было ещё больше, чем на Антипасху — Фаина сначала хотела помолиться за усопшего раба Божия Алексея, но в последний момент передумала и помянула его как живого, благо записка об упокоении и так с трудом вместила все имена. Помянники перед службой Фаина незаметно отдала знакомому священнику. Тот поморщился, но взял.

— Я деньги принесу, как получу, — ей вдруг стало стыдно, что она сидит без гроша и должна хитрить, чтобы помянуть дорогих родных и близких.

Несколько раз Алексей, светлый и весёлый, снился Фаине, и сон казался таким живым, что, проснувшись, она долго не могла поверить, что мужа нет рядом. Но постепенно вера и надежда на встречу с любимым человеком, вспыхнувшие в пасхальные дни с такой силой, становились все слабее и слабее, а вместе с ними незаметно ушло и ощущение душевной радости. Снова вернулся страх одиночества и безысходность, что так мучили раньше. Свежая и пол-

ная зелени весна сменилась серым и душным летом, с белесым небом, словно затянутым дымкой, и неизбежными спутниками степного края — жаркими и сухими ветрами. Сон по ночам не приходил, Фаина подолгу ворочалась в кровати, обливаясь потом, а затем, не выдержав, садилась в кресло у окна в ожидании рассвета, и даже привычный пейзаж её не радовал. Она брала любимую книгу, чаще Тургенева или Чехова, но читать тоже не хотелось. А у самого горизонта, над старым кладбищем, серело и причудливо извивалось серое облачко. Возникали и пропадали какие-то фигуры, похожие на человеческие, вспыхивали огоньки. Видение вызывало тяжёлое и неприятное чувство, но одновременно притягивало внимание с такой силой, что стоило большого труда оторвать взгляд. Фаина старалась об этом не думать и относила все это к обману зрения.

В жаркие дни Фаина норовила пораньше встать и выйти на работу — она служила письмоноском на почте, чтобы по утреннему холодку побыстрее разнести корреспонденцию. На её участке дома были разбросаны самым прихотливым образом, стёжки-дорожки к ним тонули в высокой траве, так что скоро подол юбки становился мокрым и тяжёлым от росы, а туфли, чтобы не промокли, Фаина, выйдя из почтового отделения, сразу же прятала в сумку и весь обход совершала босиком. Днём полагался длинный перерыв, когда можно было вернуться домой, приготовить обед, прибраться, отдох-

нуть и даже поспать. А вечером под горячими лучами заходящего солнца снова приходилось тащить сумку по знакомому маршруту.

Фаина больше любила утренние обходы. И солнце жарило не так сильно, и ощущения усталости ещё не было, и самое главное: по утрам можно было встретить разных интересных людей, которые в другое время были совсем незаметны. Монахи из закрытых монастырей, священники, оказавшиеся не у дел, просто «бывшие», высланные в своё время из столиц и крупных центров — все они неизъяснимыми судьбами оказались в этом маленьком городке и вели тихую и неприметную жизнь. Фаина со многими здоровалась, некоторых знала по именам, иной раз останавливалась, чтобы перекинуться парой слов. От них молодая женщина услышала о чудных событиях, произошедших на старом кладбище.

Душной летней ночью там, сидя на заросшем мхом надгробье, млела от любви и жары молодая парочка. Когда кавалер, наконец, уже почти добился желаемого, его внимание привлёк странный шум. Земля на соседнем холмике поколебалась, из неё сначала высунулась костлявая рука, а потом начал вылезать кто-то бесформенный и страшный, закутанный в саван. Девушка завизжала так, что с ближайших деревьев, громко каркая, вспорхнула ночевавшая там стая ворон, а бывший разведчик среагировал мгновенно и по-своему. Он упал на спину, перекатился с боку на бок и, заняв удачную позицию за соседним памятником,

открыл беглый огонь из трофейного Вальтера, который по привычке брал с собой на вечерние прогулки. Пули ложились точно в цель, но призрак упорно продирался из земли, распространяя удушливый запах серы, и лишь третья обойма заставила его со страшным воем рухнуть назад в преисподнюю. То ли одна из немецких пуль оказалась заговорённой, то ли он просто не выдержал огня бравого гвардейца. Солдат, обозлённый испорченным вечером, долго и громко обзывал нечистую силу фашистским отродьем, вспоминал Сталинград и сожалел, что у него не оказалось под рукой пары противотанковых гранат, которые бы очистили кладбище от всякой нечисти. Свою речь он обильно пересыпал выражениями, годными более для рукопашного боя, чем для места вечного упокоения.

Молодая женщина попала в больницу с нервным срывом, о происшедшем стало известно властям, и боец получил год исправительных работ за хранение оружия без разрешения, а также был исключён из партии, куда его только что приняли. Правда, партбилета его лишили за моральное разложение, поскольку, состоя в законном браке, он на кладбище развлекался с лучшей подружкой жены. Что было правдой в этом рассказе, что досужим вымыслом — установить уже не представлялось возможным. Многие называли его бабьими сплетнями. Другие говорили, что обитатель могилы — первогильдейный купец-миллионщик — отличался такой скупостью,

что даже после кончины выбирался по ночам из земли и осматривал свои бывшие имения. Рассказывали, что глухой ночью на пустых улицах можно было встретить старичка в старорежимном картузе и поддѣвке, который громко ругал новые порядки, при этом доставалось и Советской власти, и коммунистам, и лично товарищу Сталину со всеми его прихлебателями. Но любые попытки задержать старичка или хотя бы поговорить с ним оканчивались неудачей. Никто всерьёз во все это не верил, но, тем не менее, сказанное переходило из уст в уста, обрастая все новыми подробностями.

Фаину эта история немного напугала. Она как раз собиралась на Старое кладбище — проведать могилку бабушки и дедушки, не тех, что жили с ней в старом доме, а других, которые умерли ещё до её рождения и не сохранились в памяти, но о которых она, тем не менее, молилась все родительские субботы и в иные дни поминовения усопших. На кладбище Фаина не была с начала войны, и ей последнее время становилось стыдно, что она не может уделить час-другой дорогим покойникам. Здравомысленно рассудив, Фаина решила: нечистая сила, если и проявляет себя, то по ночам, а днём её опасаться не стоит. Но всё-таки дочку решила с собою не брать.

День выдался исключительно знойным даже для этого жаркого лета. За всю дорогу Фаина не встретила ни души. Впрочем, последнее её даже радовало: миновав Пушкарскую слободу, она тотчас же пошла босиком, чтобы лишний раз не тре-

пать драгоценную обувь, хотя ноги сильно обжигало жаром от земли. Руку оттягивала тяжёлая жестяная лейка, которую Фаина наполнила в речке под мостом — на кладбище, она знала, воды набрать было негде.

Могилки родных — обширный участок, окружённый старинной кованой оградой — сплошь заросли снытью. Ноги приятно охладил роса, которая здесь, в тени раскидистых деревьев, собиралась даже в разгар жаркого дня. Фаина долго и тщательно полола траву, полила чахлые цветочки — она сама сажала их ещё до войны, протёрла тряпичей потемневшие кресты. Лёгкий шорох привлёк её внимание: из кустов вылез худой ободранный кот и внимательно посмотрел на Фаину. Та позвала его, животное не отреагировало и лишь, как показалось, улыбнулось в ответ. Кот чем-то напомнил ей Алексея, такой же худой и измученный, да ещё эта улыбка, неуместная на звериной морде. «Что только в голову не лезет», подумала она и стала собираться.

Выйдя из ограды, Фаина вскрикнула от боли. Острый камешек глубоко порезал ногу. Крови натекло много, пришлось перевязать большой палец подорожником и каким-то лоскутком. Уходя, Фаина видела, как кот прыгнул на место, где пролилась кровь, и начал с урчанием вылизывать тёмное пятно. Нехорошее чувство шевельнулось в душе у женщины.

У самого входа на кладбище стояла полуразрушенная церквушка. Её закрыли в городе одной из первых, как говорили — за то, что её ревност-

ный настоятель не захотел отдать храм обновленцам. Без ухода здание быстро разрушилось, купол и своды рухнули, на стенах выросли молодые деревца, там и здесь краснели свежие проплешины — местные жители постепенно разбирали церковь на кирпичи. Фаина была в храме совсем маленькой, но до сих пор хорошо помнила полутёмные своды, уютную домашнюю обстановку и смиренного батюшку, который не перенёс закрытия храма и вскоре умер. Ей стало жаль и священника, и прихожан, и даже тех людей, что вынуждены выбирать кирпичи из святого места, чтобы починить печку или фундамент дома.

Но ещё более она расстроилась, когда увидела непонятные рисунки углём на уцелевших фресках. Смысл их Фаина не могла понять, но душой почувствовала что-то плохое. Она достала последнюю чистую тряпицу и начала их тщательно стирать, насколько хватало руки.

— Не ты писала, не тебе и убирать, — услышала Фаина голос за спиной. Она обернулась. На неё смотрел старичок с удивительно злыми глазами. Фаина несколько раз встречала его на улицах города, в котором все если не знали друг друга, то — во всяком случае — виделись. Никто не знал, откуда он появился, где живёт, чем занимается. Сам себя старичок называл велесовым внуком. Фаина ничего не ответила, только перекрестилась и прошептала про себя:

— Огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго Твоего креста и сохрани мя от всякаго зла.

Когда Фаина снова обернулась, там уже никого не было. Она закончила с непонятными рисунками и поспешила к выходу с кладбища. За несколько минут погода переменилась: почерневшее небо обещало страшную грозу с ливнем, какие бывают только в степном краю. Надо было где-то переждать непогоду, но оставаться на заброшенном погосте больше не было сил. Фаина ринулась под ледяными струями дождя к ближайшим домам. Уже сидя на скамейке под развесистым дубом, вся промокшая, она посмотрела в сторону кладбища. Гроза как раз свирепствовала в той стороне. И Фаине вдруг показалось, что яркая вспышка молнии обрисовала огромный — вровень с осокорями — и страшный силуэт велесова внука, который протягивал руки в сторону города... А может, это ей просто почудилось...

Вечером — просохшая, уставшая и успокоенная, Фаина сидела в любимом кресле у окна и не спеша листала старый альбом, который обычно покоился в самой глубине платяного шкафа. Она долго смотрела на фотографию молодых дедушки и бабушки, к которым ходила сегодня: он — в мундире, в капитанских погонах, она — в платье модного в конце века покроя. С других фотографий на неё смотрели священники, офицеры, чиновники — все проходили перед ней как живые. Кого-то она помнила, о ком-то знала только по рассказам близких, об иных вообще не могла ничего сказать. Родители очень боялись, что посторонние увидят этот альбом, и даже хотели

его уничтожить, но Фаина его сохранила. Она не считала себя ни в чём виноватой перед нынешней властью и не хотела никого бояться. Она жалела только, что не родилась веком ранее. Но это от неё уже не зависело. Валя давно и крепко спала, обняв любимую куклу. И Фаина подумала: хорошо сделала, не взяв сегодня дочку с собой.

К осени тоска по мужу, по ушедшей жизни стала просто невыносимой. Даже посещения церкви не приносила облегчения. И почти каждую ночь, когда Валя засыпала, она подолгу и тихо плакала в подушку. Подруга Надежда — родные и близкие звали её исключительно Надькой — много раз приглашала её проветриться, сходить в кино или на танцы. Фаина училась с Надькой вместе, но после седьмого класса та оставила школу, пошла по торговой части и теперь работала продавщицей в пригородном сельпо. Надежда любила Фаину, а ещё больше — её дочку, и часто приносила Вале что-нибудь вкусное, что можно было достать только из-под полы. Надежда никогда не была замужем, и детей у неё не было. Зато любовников она меняла как перчатки, таких же непутёвых, как она сама, любителей выпить и погулять. Бурные страсти сменялись скандалами, иной раз Надька ходила с синяками, иной раз законные жены возлюбленных пытались выдрать ей волосы, но любвеобильную девушку ничто не останавливало. На вопрос Фаины, поче-

му она не хочет завести ребёнка себе на радость, хотя бы без мужа, Надька зло усмехалась:

— Кого я рожу от этих уродов, только таких же уродов. Топить их надо.

И безжалостно расправлялась с неродившимся потомством.

Фаина несколько раз сходила с Надькой в кино — она любила иностранные фильмы, особенно душещипательные любовные драмы и смешные комедии — а потом всё-таки поддалась на уговоры и решила потанцевать в доме культуры. Валю, уже большую девочку, можно было спокойно оставить на вечер одну. Накануне, сидя в любимом кресле, Фаина тщательно штопала единственные приличные нитяные чулки и вспоминала недавний фильм, где героиня щеголяла в тонких капроновых чулочках с широкими кружевными резинками. Героиня гуляла с молодым человеком по берегу моря, ветер без конца задирал пышное платье и его приходилось одёргивать, делая смущённый вид, но не спеша, чтобы возлюбленный успел вдоволь налюбоваться красивыми ножками и дорогим изящным бельём.

— Мне бы кто такие чулки подарил, — грустно подумала Фаина. Вечером Фаина, ожидая Надьку, зябко ёжилась на ноябрьском ветру перед домом культуры в лёгком пальтишке на вате и таком же лёгком платке. Она не стала ужинать и, проголодавшись, купила эскимо у мороженщицы, которая стояла с ящиком у входа. Потом, убедившись: никого из зна-

комых нет рядом, купила у той же продавщицы стаканчик водки и быстро проглотила его, закусив остатком мороженого.

— На танцы, — скорее утвердительно, чем вопросительно, сказала тётка, укутанная как чайная баба в кучу платков и шалей, и пожелала найти приличного кавалера. Видимо, подобные сцены были ей не в диковинку.

Дом культуры помещался в бывшем городском соборе. Ходили слухи, что, когда во время войны стали открываться храмы, председатель райисполкома, благоволивший церкви, предлагал передать его верующим, но духовенство, боясь мороки с ремонтом и отоплением, выбрало здание поменьше и попроще.

На первом этаже в низком и тёплом зимнем храме помещался кинозал. А наверху, в летнем, высоком и светлом притворе устраивали танцы. Все помещение было заново отделано золотисто-белой лепниной, в алтаре располагался оркестр, в одном приделе разместился гардероб, в другом — напротив — буфет, а в самой церкви и в обширной трапезной по навощённому полу скользили в ритме вальса, танго или фокстрота многочисленные пары.

Раздевшись, сменив резиновые боты на туфли — новенькие у Надьки, изрядно поношенные — у Фаины, они были тотчас увлечены Надькиными знакомыми в буфет. Вскоре Фаина закружилась в любимом вальсе, а раскрасневшаяся Надька так и засела за столиком — танцовщицей она была никудышной — и, слушая,

как очередной возлюбленный рассказывал «екдотик», то есть анекдот, как всегда — крайне неприличный, смеялась громче и сильнее других девушек.

Спиртное в буфете отпускали самыми микроскопическим дозами, но, тем не менее, Надькин возлюбленный скоро и крепко уснул в уголке буфета, а Надька, уже пунцово-красная, пересела к другому молодому человеку. Фаина постаралась уйти пораньше и наотрез отказалась составить компанию Надьке и её друзьям продолжить веселье дома. Валя не спала и радостно кинулась на шею со словами: «Мама, ты хорошо отдохнула? Какая ты красивая!» И Фаина поняла, что, кроме дома, ей ничего не надо. На другой день Надька говорила: Фаина — молодец, ей обязательно надо завести любовника, молодого и симпатичного. Робкие возражения Фаины — она ждёт мужа и верна ему, Надька начисто отметала:

— Даже если жив твой муженёк, кто знает, где он и с кем, — а затем запевала: «На позицию девушка // Провожала бойца, // До полночи, — тут Надька вставляла непечатное слово, чтобы не было сомнений, чем занималась эта парочка, — На ступеньках крыльца. // Не успел за туманами // Промелькнуть огонёк, // Как явился у девушки // Уж другой паренек...» Война всё спишет, — со смехом добавляла Надька.

Сначала Фаину увлекла стихия танца, ярко освещённый зал, шелест платьев, стук каблучков. Такое же чувство испытывали, наверное, её пра-

бабушки сто лет назад в ярко освещённой зале дворянского собрания, хотя теперь публика была неизмеримо проще. Но вскоре Фаина поняла: ей хочется мужского внимания и ласк, от кого бы они ни исходили. Как ни гнала она эти мысли, они приходили снова и снова. Природа брала своё. Впрочем, поиски любовника оказались сложным делом. Худенькая и стройная темно-русая Фаина, с благородными чертами лица — не котировалась. Успех имели крупные и полные разбитные девушки типа Надьки, которые кидались на шею мужикам и громко смеялись любой глупой шутке. Надька к тому же была крашеной блондинкой, вся в крупном перманенте, с ярко-малиновыми ногтями, и это ставило её вне всякой конкуренции. От кавалеров, которые доставались Фаине, воротило с души. Это были немолодые люди, мечтавшие отдохнуть от надоевших жён, и сделать это с наименьшими затратами. Все, как на подбор, с наметившимися лысынами, с пивными животами, вечно небритые, в несвежей одежде. В основном — мелкие начальники всех мастей. Все вроде бы обеспеченные люди, но никто из них не подумал подарить Фаине даже цветочка. И при этом без зазрения совести могли выпить за её счёт рюмку-другую в буфете дома культуры. После недолгих и не особо радостных встреч — как правило, в самых неподходящих условиях — наступало разочарование, ощущение пустоты и желание начать новую, правильную жизнь. Время от времени угрызения совести начина-

ли мучить Фаину, и она давала себе зарок больше никуда не ходить. Но потом подруга снова вытаскивала её в кино или на танцы. А когда в Промторге выбросили крепдешин, Фаина с Надькой, отстояв огромную очередь, прикупили по отрезу на новые платья. Хотя потом, примеряя обнову, она переживала: ничего не приобрела ребёнку, а Вале на другой год была пора идти в школу.

Надька часто уговаривала Фаину бросить службу на почте и пойти в торговлю. Но её трясло от одного вида Надькиного директора Фарухудинова, или директора другого сельпо Микаэляна, или главного начальника всей потребкооперации района Перельмана. Трясло от сальных раздевающих взглядов, от бесстыжих прикосновений и откровенных шуток. По сравнению с ними даже случайные кавалеры из дома культуры — казались приличными людьми. К тому же Фаина получила повышение: её перевели на участок в центре города, где жили известные люди, такие как первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома, жильё которого, впрочем, ничем не выделялось из других: он уютился со старушкой-матерью в ветхом домике, с проволочным звонком и табличкой на дверях «Докторь медицины Александрь Христофоровичь Поповь» — так звали деда нынешнего главы района. Впрочем, дома застать его было трудно. Он либо расхаживал по улицам с неизменным портфелем в здоровой руке — другая, повреждённая на фронте, висела безжизненной плетью, либо

носился по пыльным районным дорогам на полноприводном трофейном «Хорьхе» и всюду беседовал с людьми, расспрашивал, убеждал, организовывал. К нему запросто можно было обратиться на улице по любому вопросу, и, как правило, проблема решалась тут же, на ходу. Было видно: он искренне радеет о судьбе вверенного ему крохотного городка. Фаина слышала в церкви — именно стараниями председателя открыты храмы в городе и в нескольких сёлах, а в одном из отдалённых посёлков он добился разрешения на строительство молитвенного дома. И теперь он помогал верующим, как мог, то дефицитными стройматериалами, то топливом. При этом председатель выписывал целую кучу журналов и газет. «Когда он только читать успеваешь?» — думала Фаина, взваливая на плечо тяжёлую сумку. Вручая заказные письма — их тоже приходило целое море — Фаина познакомилась с председателем. Совсем молодой человек, того же возраста, что и Алексей, он был спокоен и приветлив, всегда здоровался за руку и расспрашивал о всяческих мелочах. В первую же встречу он обратил внимание на потрёпанную обувку Фаины. Та сначала смутилась, а потом, почувствовав к собеседнику неожиданное доверие, рассказала о пропавшем без вести муже, о дочке, которую воспитывает одна, и о небольшом жаловании на почте. Председатель молча выслушал, что-то черкнул в блокноте и вручил записку Фаине. На складе горпромторга она получила новенькие американские

башмаки на резиновом ходу, которым не было сносу.

— Ленд-лизовские, — с восхищением воскликнула Надька, увидев обнову.

Постепенно короткие утренние разговоры стали привычными. Председатель райисполкома любил рассказывать о достижениях в жизни города, даже маленьких и смешных: будь то новая артель по производству лимонада или детская площадка. А постройка хлебозавода была для него настоящим праздником, о котором он мог говорить без конца. Потом неожиданно обнаружилась ещё одна общая тема для бесед — литература. Для Фаины русская словесность завершилась Блоком и Буниним, имя Маяковского в семье звучало страшнее любого ругательства, а Сергей Иванович — так звали её собеседника — с увлечением говорил о Горьком, о Шолохове, о молодых писателях и поэтах, имена которых для Фаины ничего не значили. Сергей Иванович знал наизусть множество стихов, и когда он цитировал: «Жди меня, и я вернусь» или «Бьётся в тесной печурке огонь», глаза молодой женщины невольно наполнялись слезами...

— Какая я гадкая, — думала иной раз Фаина после беседы. — А Сергей Иванович — такой милый и чистый. Он чем-то напоминал ей пропавшего мужа, и с каждым днём чувство симпатии становилось все сильнее. Но признаться в этом даже себе она никак не могла. Равно как и Сергею Ивановичу — Фаина с каждым днём все сильнее и сильнее напоминала

его молодую жену, погибшую с двумя маленькими дочками в первые дни войны, в эшелоне, разбомблённом немцами.

Однажды Фаина столкнулась с Сергеем Ивановичем на улице. Пленные строили дом в центре города, и председатель райисполкома пошёл посмотреть, как идёт работа. Один из строителей, не признав в просто одетом молодом человеке высокое начальство, попросил у него сигарету. Сергей Иванович взглянул на тощего немца в истрёпанном фельдграу без погон и знаков различия и отдал ему всю пачку. Тот удивлённо вскинул глаза, а после того, как напарник шепнул ему что-то, благодарственно произнёс:

— Vielen Dank, Herr Bürgermeister.

Тут Сергей Иванович заметил Фаину и смущённо произнёс:

— Все мы люди. И они такие же, как мы.

Первого сентября Валя пошла в школу. Сергей Иванович подарил по этому случаю детский сборник стихов Пушкина, красиво изданный к полуторавековому юбилею поэта. А Фаина переживала, как отнесутся к дочке одноклассницы, не будут ли её обижать, не будут ли придирааться учителя. Однако девочки — в школах только-только ввели отдельное обучение — выглядели на редкость симпатичными. Среди них оказалась даже пара дочерей священников. И такими же доброжелательными оказались педагоги, некоторые из них преподавали ещё с дорево-

люционных времён, когда в здании помещалось женское епархиальное училище.

Привычный ход первого учебного дня был нарушен неожиданным событием, которое потом долго обсуждали жители маленького городка. Когда торжественная линейка подошла к концу и учителя уже готовились развести детей по классам, на трибуну неожиданно легко для своего возраста поднялся старичок в сером летнем пальто. Быстрым движением он извлёк из-за пазухи уже надетую епитрахиль, подтянул рукава, так, что стали видны поручи, и без лишних слов начал молитву. В короткой, но сильной литии батюшка испросил благодать Святаго Духа на учащихся и их наставников, на храм науки, на родителей и на всех предстоящих. Молитва заняла несколько минут, но никто не пытался согнать священника или помещать ему. В конце службы батюшка осенил всех наперсным крестом, также легко спустился с трибуны и растворился в толпе. Кто-то позвонил в милицию. Отделение находилось совсем рядом, но два пожилых стража порядка в серых прорезиненных плащах на вызов не торопились, а возле пивной, известной в народе как «Голубой Дунай», задержались: проверить качество продаваемого напитка. Когда они, наконец, пришли, все уже разошлись, и милиционеры только развели руками. Позднее выяснилось: никто не знал, кто этот старичок, как его зовут и откуда он. Дедушка обошёл с утра несколько школ и всюду молился и благословлял учителей и

учащихся. Когда на другой день Фаина завела разговор с Сергеем Ивановичем по поводу священника, тот необычно резко ответил:

— Чем он помешал? Там у половины людей — родные на фронте полегли. За что их лишать хоть какого утешения? Моя мама тоже всю жизнь в церковь ходила, но я скорее партбилет на стол положу, чем упрекну её за это.

Потом, поняв, что сказал лишнее, вопросительно посмотрел на Фаину. Та поняла его опасения и тихо вздохнула:

— Не переживайте. Кому я могу рассказать?

Неожиданное откровение Сергея Ивановича стало их общей тайной и ещё сильнее связало их. О разговоре с председателем райисполкома Фаина не рассказала даже Надьке, с которой обычно делилась всем. От неё Фаина узнала: милицию вызвал Перельман. Окна его кабинета выходили на школу, и он, по словам подчинённых, забился в истерику, увидев священника в облачении. Надька сидела на табурете под плакатом «Культурно торговать — почётный труд», куталась в пуховый платок и лузгала семечки. Утренний завоз хлеба кончился, и в магазине было пусто.

— Как ты можешь эту гадость есть, — воскликнула Надька, когда Фаина попросила пару банок с крабовым мясом и пару — с кальмарами. — Будет тушёнка, я тебе несколько банок отложу.

— «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы», — отве-

тила Фаина словами рекламы. Она давно привыкла к этой еде, которая хорошо скрашивала послевоенную скудость, хотя и вызывала искреннее удивление и насмешки соседей. Консервы аккуратно легли на дно вместительной сумки. Вечером после работы Фаина собралась в церковь, где давно уже не была. Ей снова захотелось разобраться, как жить, на что надеяться и излить душу, что сложнее всего. В переполненном храме господствовала общая исповедь, к ней давно привыкли, да и священникам невозможно было уделить каждому прихожанину хотя бы пару минут. А тут перед стеной исповедников священник называл грехи один за другим, и все дружно, словно стараясь заглушить друг друга, кричали:

— Грешны, батюшка.

Даже на вопрос об абортax:

— Не умерщвляли ли плод во чреве своём?

Все, в том числе седобородые старцы и безусые юноши, дружно отвечали:

— Каемся, честный отче.

А когда после службы Фаина остановила знакомого священника и излила ему всё, что накопилось на душе, тот мало что понял из сумбурной и несвязной речи и смог только посоветовать:

— Не могу я тебе ничем помочь, матушка. Ты к отцу Гавриилу сходи. Он человек духовный, тебя выслушает и совет даст.

Фаина знала, о ком идёт речь. О. Гавриила когда-то давно выслали из Москвы, и многие годы он обре-

тался при местных храмах, служа, несмотря на сан архимандрита, то простым псаломщиком, то сторожем. Батюшка старался держаться как можно незаметнее, но уже тогда о нём пошла слава как о святом старце, провидце и чудотворце, и народ потихоньку, нередко по ночам, стремился попасть к нему на исповедь и за советом. Перед войной, когда позакрывали все церкви, а священников в основном вывели в расход или — в лучшем случае — отправили в нелюбимые северные края, отца Гавриила тоже арестовали. Известно, о чём говорил с ним начальник местного НКВД — ходили слухи: старец предсказал ему смерть жены и дочери — но священника освободили и оставили в покое. А начальника НКВД после тоже бросили в тюрьму, приговорили к расстрелу, но каким-то чудом, по слову отца Гавриила, тот вывернулся из кровавой мясорубки. Фаина слышала: батюшка обитал на Новом кладбище. На самом деле, Новое кладбище было ровесником Старого, на нём тоже давно уже никого не хоронили, но кладбищенская церковь осталась целой и в годы войны была возвращена верующим как хозяйственная постройка — склад для дров и садового инвентаря. Старец числился при ней сторожем. Служба в храме потихоньку велась, все об этом знали, но начальство закрывало глаза на явное нарушение законодательства о культурах. «По молитвам батюшки», — говорили верующие люди.

Фаина долго собиралась к отцу Гавриилу. Уже наступил октябрь, дни

становились все короче, а Фаина никак не могла заставить себя сходить к старцу. Ей казалось: священник начнёт обличать её при всех, что выгонит её или наоборот — пообещает страшные кары за грехи.

Наконец, одним поздним вечером, после работы, она всё-таки решилась. Как назло, с самого начала, всё складывалось неудачно, как будто кто-то не хотел её встречи с батюшкой. По дороге то и дело попадались знакомые, которые почему-то подробно расспрашивали, куда она идёт, и Фаина, не умевшая врать, путалась и краснела. Пустынный переулочек, ведущий к кладбищу, оказался завален огромными брёвнами. Это перевернулась телега, и теперь мрачные возчики, злобно ругаясь, пытались поставить её на колёса, но только всё сильнее перекрывали проход. За годы войны Фаина привыкла к матерной ругани, но теперь ей стало не по себе, и она уже думала повернуть назад, но всё-таки заставила взять себя в руки и, перекрестившись, бочком преодолела завал.

На кладбище было темно и страшно. Фаина остановилась, надеясь увидеть хоть какой-то свет. А вместо этого заметила шевеление в кустах, и в тёмной фигуре ей привиделся велесов внук. И опять: первой мыслью было бежать без оглядки, но Фаина снова заставила себя перекреститься, и, поглядев ещё раз на кусты, поняла: там просто шевелится на ветру какая-то тряпка. Тут внезапно мелькнул чуть заметный лучик: это на секунду кто-то при-

открыл дверь храма. Служба давно отошла, и народу оставалось совсем немного. Электрическое освещение в хозяйственной постройке не полагалось, и только слабые огоньки свечей чуть-чуть рассеивали тьму. Батюшка исповедовал; видимо, уставший, он облокотился на угол аналоя, но слушал внимательно, никого не торопил и лишь время от времени одобрительно кивал головой, словно подталкивая говорящего к ещё большей откровенности. На исповеди Фаина не услышала ни обличений, ни запугиваний страшными карами. Спокойно и даже буднично старец объяснил, как надо жить, что нужно делать и что нельзя. На вопрос, вернётся ли муж, батюшка строго заметил: «А зачем тебе муж, ты вот как разгулялась». И долго объяснял ей: нельзя так жить, показывать такой пример дочке — ведь это страшный грех. О муже старец велел молиться как об умершем, принимать все невзгоды со смирением, и тогда, если Богу будет угодно, Он пошлёт нового спутника жизни. Накрыв голову молодой женщины епитрахилью, отец Гавриил произнёс:

— Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Фаина, тебя ведь Фаиною звать, — скорее утвердительно, чем вопросительно спросил старец, — и аз недостойный иерей, Его властью мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих...

«Откуда он знает моё имя?» — удивилась Фаина, но тут старец ещё более поразил её:

— Ты, матушка, молодец, что все картинки стёрла. Ты им целое собрание сорвала.

— Кому им?

— Тем, кого к ночи поминать не стоит. Иди и никого не бойся. Никаких велесовых внуков не бойся. Только больше не грши.

И ласково подтолкнул её к выходу. На улице уже было не так темно. Взошла луна и словно проложила белую дорожку от дверей храма к воротам кладбища, а далее — к домам на окраине городка, которые теперь призывно светились окнами и тоже указывали путь. Жуткие бревна увезли, и переулок снова стал свободным.

— Откуда он имя моё узнал? И что я на кладбище делала? — Фаина поняла: старец действительно провидец, и от этого ей стало невыносимо больно. Рушились все надежды на возвращение любимого человека, на счастливую жизнь, о которой она так мечтала.

— Видно, так Богу угодно, — думала Фаина, глотая слезы.

Надька результаты беседы со старцем восприняла скептически.

— Мало ли, что старец сказал. Он тоже человек, и тоже ошибиться может.

Подруги пили чай у Фаины со сладостями, принесёнными Надькой. Та похрустела печеньем, кинула в рот конфету-подушечку с мёдом и с набитым ртом продолжила:

— Я тебя к одной бабке свожу. Она и все привороты знает, и судьбы

предсказывает. Посмотрим, что она скажет.

Увидев испуганное лицо Фаины, Надька успокоила её:

— Не бойся, она такая же православная, как и твой старец. У неё дома такой иконостас на стене — почище, чем в храме. И святая вода в бутылках, и артос.

Оказалось, Надька была у бабки много раз, тщетно пытаясь приворожить кого-нибудь из ухажёров. Но те были тоже не лыком шиты и умело обходили все бабкины заговоры.

— Не надо маме никуда идти, — вдруг закапризничала Валя. Но Надька ничего ей не сказала и лишь пододвинула к девочке вазочку с её любимыми конфетами.

Тёмным ноябрьским вечером Надька повела Фаину к колдунье. Землю подморозило, и в лицо неприятно хлестала позёмка. Ещё неприятнее стало от того, что дорога вела к Старому кладбищу. А дом, где жила бабка, стоял как раз возле развесистого дуба, под которым Фаина пряталась от дождя. Но в крошечной избушке было тепло и уютно. Все стены, действительно, были увешаны иконами. И ещё: всюду между иконами, на столе, на лавках, в кадучках и вёдрах — хранились сухие ветки, цветы и просто трава. Надька достала бутылку водки и шмат сала, которые, по её словам, обязательно требовались для обряда. Маленькая и бойкая старушка радостно приветствовала их и всё время что-то говорила, причитала, жаловалась на возраст и немощь. Она разлила водку по стаканчикам и пошептала над ними,

все выпили и закусили салом с чёрным хлебом. Потом Фаину уложили на топчан, на матрас, также набитый сухой и душистой травой. Она задремала. А бабка налила воды в стакан, долго шептала над ним и, наконец, дала выпить Фаине.

— Зачем? — спросила та спросонья.

— Чтобы муж нашёл, — ответила бабка.

— Он вернётся? — сон с Фаины мгновенно сошёл.

— Вернётся, милый, куда он денется. Главное, чтобы мимо не пробежал.

Провожая, старушка без конца приговаривала:

— Счастья, милая. Теперь ты меня ещё долго вспоминать будешь.

На улице позёмка переросла в настоящую метель. Ветер подгонял в спину, словно заставляя идти скорее. И, честно говоря, Фаина без особого сожаления покинула этот странный дом, хотя надежда снова дала о себе знать. Но к ней примешивался страх — и его никак нельзя было объяснить: сказанное окажется обманом, очередным разочарованием, и её ждёт только одиночество.

Дома Валя уже спала. На подушке лежала раскрытая книжка стихов Пушкина. Обычно зимой в комнате было холодно. Печка грела плохо, часто дымила. Но сегодня жильцы снизу натопили так, что от соседского дымохода, который тоже шёл через комнату, несло жаром. Фаина села в любимое старое кресло и приоткрыла окно. В комнату брызнули мелкие и острые льдинки, стало немного свежей.

«Вот сейчас приедет Снежная Королева на своих санях и заберёт нас с Валею», — подумала Фаина. И тут её обуяла такая тоска, что сдержаться уже не было сил, и из глаз хлынули слезы. Фаина не могла бороться с подступившими рыданиями и старалась только плакать потише, чтобы не разбудить дочку. Наконец, острая боль немного отступила. Фаина собрала свежий снег с подоконника и протёрла им лицо. Слезы кончились, но тело ещё содрогалось от конвульсий. Метель за окном разгулялась на славу. И только с большим трудом можно было угадать хорошо знакомый пейзаж. И тут Фаина увидела, как из густой снежной гущи, как раз со стороны Старого кладбища, поднялся огненный шар и не спеша полетел прямо в сторону Фаининого дома. А потом рухнул совсем рядом, где-то за забором.

— Господи, да что же это такое, — женщина от страха перекрестилась и закрыла окно. Затем поплотнее задернула штору, а уже лёжа в постели, несколько раз открывала глаза и пристально смотрела в проём, завешенный плотной тканью, не появится ли оттуда что-нибудь нехорошее. С этими мыслями она и уснула...

Утром, когда Фаина вышла на работу, на улице ещё была сплошная темень. За ночь ветер переменялся на южный, и почти весь снег стаял. В кустах у ворот раздалось робкое мяуканье. Худой ободранный кот, с улыбкой, неуместной на звериной морде, внимательно смотрел на Фаину. Та сразу же узнала его. «Что его, ветром со старого кладбища принес-

ло?» — Фаине даже смешно стало от этой мысли. С собою у Фаины не было ничего съестного. Она позвала его, чтобы погладить. Теперь животное радостно подбежало и, виляя хвостом, долго обнюхивало руки, словно пытается убедиться: оно не ошиблось.

— Какой ты худой и измученный, — подумала Фаина, и ей снова почему-то вспомнился муж. Она ещё раз погладила кота, и тот, довольный, снова скрылся в кустах.

День выдался тяжёлый. Почты оказалось много, и к вечеру Фаина валилась с ног. Как обычно зимой, она вернулась домой затемно, заперла калитку на щеколду и уже пошла к крыльцу, как снова услышала скрип ржавых петель.

«Кого это Господь послал?» — равнодушно подумала Фаина и повернула голову. От усталости она даже в первую секунду не узнала человека, которого ждала столько лет. Алексей, худой и усталый, в летней, не по сезону шинели, такой же летней фуражке, с небольшим вещевым мешком за плечами, вошёл во двор и, увидев Фаину, радостно произнёс: «Здравствуй, вот и я», — как он всегда говорил, возвращаясь с работы. А она, осознав, наконец, что случилось, просто кинулась ему на грудь и молча зарылась в отвороты жёсткой, пропавшей табаком шинели.

II

Этой ночью Фаина долго не могла заснуть. Десятый сон видела Валя — они, как обычно, легли вместе в одну-единственную в комнате кро-

вать. Покоился в объятиях морфея Алексей на короткой и узкой оттоманке, для ног места не хватило, и он положил их на стул. Муж спал беспокойно, тяжело дышал, но потом понемногу затих. А Фаина все прокручивала и переваривала в голове прошедший день, не веря неожиданному счастью. Конечно, ей хотелось, чтобы Алексей лежал рядом, под боком, и нежно обнимал. Но, с другой стороны, Валя была уже большой девочкой, и лишние вопросы от дочери были ни к чему. Поэтому с ласками можно было обождать, как она терпела уже столько лет. Она снова и снова вспоминала историю, рассказанную вечером мужем. Когда во время ремонта подбитого танка внезапно появились немцы и все бросились кто куда, он забрёл в какое-то болото, долго шёл, весь измазанный тиной, натёк на немецкие патрули, которые, к счастью, его не заметили, пока не встретил своих. В тот же день стрелковый полк, в котором оказался Алексей, вступил в бой. Тяжело раненый, без документов, он оказался в госпитале, где провалялся без памяти многие месяцы, многие месяцы оставаясь между жизнью и смертью, а потом, обретя сознание, продолжал скитаться по госпиталям и клиникам, жил в интернате для инвалидов. Ему не хотелось давать о себе знать родным, чтобы не оказаться обузой в тяжёлое послевоенное время. Но в последние дни ему стало лучше, и он, немного окрепнув, поехал домой. Фаина слушала, глотая слезы, и всё время повторяла про себя: «Ка-

кая я гадкая...». Утром, выслушав на ходу поздравления соседей, Фаина, как обычно, умчалась на работу. Она не могла не поделиться счастьем с Сергеем Ивановичем. Тот тоже от души говорил всякие добрые слова, но взгляд у него словно потух. Он хорошо понимал: больше не будет ни радости встреч, ни откровенных разговоров. Любовь, как нежный цветок, завяла, не успев расцвести. Первое время Фаина летала, точно на крыльях. Но потом в голову снова стали закрадываться тревожные мысли и сомнения. Не то, что она не верила истории, рассказанной Алексеем, но она боялась, что это сон, обман и, проснувшись, она поймёт: всё оказалось неправдой. Тем более, Алексей даже не делал попыток приласкаться к Фаине, обнять её, поцеловать. И спали они по-прежнему врозь. Смущала и Валя:

— Ты не мой папа, — сказала она при первой встрече. — Мой папа весёлый и радостный, а ты такой мрачный.

И держалась от него подчёркнуто далеко. Хотя Алексей теперь часто сидел с дочкой и помогал ей делать уроки. Алексей действительно сильно изменился, не только внешне: он ещё более похудел и осунулся — но главное: из мягкого и ласкового он стал жёстким и резким. Теперь он легко мог обидеть недобрым словом или ехидным замечанием, и делал это не сгоряча, но спокойно, даже, казалось, специально, чтобы задеть человека. Но более всего Алексей полюбил ссорить людей, буквально сталкивая их лбами. Началось всё

с пустяков. В городе прокладывали канализацию. В доме обещали соорудить тёплый туалет. Большинство жильцов, в том числе и Фаина, были этому рады. Отхожее место на задворках не вызывало никаких симпатий. Зимой там было холодно, а по утрам выстраивались целые очереди. Однако несколько соседей давно присмотрели место в углу коридора, где планировался туалет, для чулана и выступили против. Начался бессмысленный и бесконечный коммунальный скандал. Все переругались и, устав, пошли писать жалобы во все инстанции. Фаина заметила: её муж незаметно, но умело ссорил людей. Во время приезда очередной комиссии он вроде бы держался в стороне, но стоило людям немного успокоиться, как он вставлял фразу, вроде бы невинную, и скандал вспыхивал с новой силой. Мужу вторила старушка из маленькой тёмной комнаты.

— В доме нужду справлять. Что мы, бусурмане какие-то? — истошно вопила она. Фаина вспомнила, как давно, когда она была ещё совсем маленькой, и в доме проводили электричество, эта бабушка также истошно кричала:

— Антихрист воцарился!

И после наотрез отказалась проводить к себе электричество и платить свою долю за освещение в местах общего пользования. Даже на кухню она продолжала ходить со свечкой. Тогда тоже все переругались. Когда Фаина после пыталась поговорить с мужем, тот злобно выругался и добавил:

— Дураками родились, дураками и умрут. Как тут не посмеяться?

— Война и не таких ломала, — грустно заметил Сергей Иванович, услышав эту историю. — Потерпи, может всё образумится. — Но было видно, что он переживал за Фаину. Однако история с канализацией и с шутками мужа показалась невинной по сравнению с тем, что случилось немного позже.

Сосед-пьяница дядя Витя лишился на фронте обеих ног. Костыли он не признавал и всюду ездил на крохотной тележке, ловко управляя ею при помощи двух чурбачков с ручками. Чаще всего его можно было встретить на местном рынке, на вокзале или в пригородных поездах. Он неплохо пел, подыгрывая себе на трофейном аккордеоне, и, когда рыдающим голосом начинал: «Враги сожгли родную хату, убили всю его семью...» — у слушателей на глазах навёртывались слезы. Доброхотные даяния шли на вино, и дядя Витя порой допивался так, что ему мерещилась бесовщина и зелёные человечки. Его жена-татарка по имени Венера давно изменяла мужу, а на насмешки соседей, откровенно говорила: мужу на фронте не только ноги оторвало. Фаина хорошо помнила, какая любовь вспыхнула между уже немолодым дядей Витей и совсем юной Венерой, как весело праздновали их свадьбу незадолго до войны, какими красивыми выглядели новобрачные. Дядя Витя то и дело оправлял немного мешковатый новый костюм и приглаживал волосы гребешком. Глаза Венеры светились

от счастья. Четыре страшных года все перечеркнули. Этим летом дядя Витя допился до того, что увидел русалок в тихих и спокойных водах Черемшана. Они смеялись и манили его к себе, так что он еле успел отъехать от берега на тележке. Соседи приняли эту историю с шутками, но те, кто постарше, говорили: увидеть русалку — к беде. И действительно, буквально через несколько дней в Черемшане, который в иных местах можно было перейти вброд, захлебнулся брат дяди Вити. Впрочем, брат любил спиртное не меньше, и большинству его смерть показалась вполне естественной. Эта история быстро забылась. Но вот, уже после возвращения Алексея, глубокой ночью обитателей дома разбудил истошный крик дяди Вити:

— Дуб горит!

Высочившим соседям дядя Витя поведал: старый дуб, росший посреди двора, горел синим пламенем, а по его ветвям прыгали, напевали песни и смеялись черти. Жильцы выглянули в окна. Там было темно и тихо. Даже ветер успокоился, и только голые ветки чернели на фоне серого неба.

— Опять перепил, — услышал дядя Витя в свой адрес, и с этими словами соседи, злые из-за прерванного сна, разбрелись по комнатам. Однако поспать спокойно не получилось. Ранним утром всех опять поднял с кровати истошный крик одной из соседок. Та встала чуть свет и увидела висящую на старом дубе у земли худенькую, почти детскую фигурку. Когда Фаина выскочила во

двор, удавленницу уже сняли и положили на скамейку под тем же дубом. Ждали милицию и врачей. Покойница, девушка лет шестнадцати, страшненькая на вид, рыжая и конопатая, повесилась, как говорили соседи, от несчастной любви. Редкие снежинки падали на её лицо и не таяли. А Фаина никак не могла оторвать взгляд от тонкой и необыкновенно прочной верёвки, туго стянувшей нежную девичью шею. Как-то Фаина утащила с работы клубок бечёвки. Ей было совестно за такой поступок, но верёвка срочно потребовалась, а достать её нигде было нельзя. На почте шпакля было полно, и этот клубок так и остался лежать дома в корзине вместе с лоскутами материи, оборванными пуговицами и резинками. Накануне Алексей увидел эту верёвку, попробовал на прочность и отрезал длинный кусок со словами:

— Как раз то, что надо.

И теперь Фаина, вспоминая прошедший вечер, то и дело недоуменно глядела то на бечёвку, то на Алексея. Тот, наконец, понял, о чём думает жена, и зло прошептал:

— Я её, что ли, повесил? Я вчера из дома не выходил. Верёвку у меня дядя Витя попросил.

У Фаины немного отлегло от души. Муж весь вечер безвылазно провёл с ней. И снова Фаине стало стыдно: она, хоть и мысленно, оговорила близкого человека. На улице почти рассвело. Приехала милиция и стала опрашивать свидетелей. Санитары привычно переложили покойницу на носилки, накрыли простыней и понесли к машине. А

соседи все никак не расходились и обсуждали происшествие. Дядя Витя все пенял на себя, что забыл верёвку на скамейке под дубом, когда вышел покурить, но по-прежнему упорно доказывал — видел ночью горящий дуб и пляшущих чертей.

— Чтобы на мне на том свете черти воду возили, — в подтверждение своей правоты то и дело повторял дядя Витя.

— Не беспокойся, скоро будут возить, — вдруг неожиданно мрачно и спокойно произнёс Алексей. — Никуда тебе от этого не деться. Сам напросился.

Дядя Витя, застигнутый врасплох, умолк и только испуганно захлопал ресницами. Венера зло поглядела на Алексея и поволокла мужа в дом. Старые бабки опять заговорили: дядя Витя не соврал, когда увидел поющих чертей — они заранее радовались покойнице и готовились забрать её душу — ведь усопшая, наложив на себя руки, совершила огромный, неотмолимый грех. Фаина не вмешивалась в эти беседы и только непрерывно твердила про себя молитву о новопреставленной, искренно надеясь, что это поминовение не будет поставлено в осуждение. «Взыщи, Господи, погибшую душу рабы Твоя, и аще возможно помилуй ея. Не поставь мне во грех молитву сию, но да будет Святая Воля Твоя», — снова и снова повторяла она молитву, услышанную когда-то от бывшей монахини во время одного из утренних обходов с почтой. Молитва, по её словам, пришла от Оптинских старцев и обладала необыкновенной силой.

— Не надоело тебе всё эту песню бубнить, — услышала Фаина раздражённый голос мужа. — Не поможет ей теперь никакое твоё словоблудие.

Фаина от удивления чуть не прикусила язык. Но потом решила, что, видимо, незаметно стала читать молитву вслух и, прикрыв рот рукой, всё-таки продолжила поминовение.

Ночью Фаина долго ворочалась с боку на бок, а когда, наконец, уснула, её начали мучить страшные видения. Сначала привиделась девушка-самоубийца в тёмном и мрачном месте, окружённая чёрными фигурами без лиц, которые радовались и смеялись, а потом столкнули покойницу куда-то в черноту, откуда — Фаина это хорошо поняла — не было возврата. Потом в кругу этих чёрных фигур оказался дядя Витя, молодой и здоровый, каким он был до войны. Он пытался вырваться, но безуспешно. И тут неожиданно появился Алексей с плёткой в руках, долго и внимательно разглядывал дядю Витю — так в былые годы цыгане на конном базаре осматривали лошадей — и неожиданно быстро и ловко взнуздal его, ударил кнутом по ногам, вскочил на спину, пришпорил и, хлестнув плёткой, куда-то ускакал. Когда он вернулся, дядя Витя тяжело дышал, а по бледному лицу и по бокам с полосками ударов обильно стекал пот.

— Под седло не годится, — усмехнулся Алексей. — Пускай воду возит, как сам об этом просил.

И дядю Витю увели... Утром Фаина со всеми обитателями дома проснулась от плача Венеры. Дядя Витя

скончался, выпив с вечера какого-то подозрительного самогона.

— Давно пора, — услышав об этом, промолвил Алексей, перевернулся с боку на бок и продолжил спать. Надьку рассказ Фаины ничуть не удивил. «Черти на самоубийцах и опойцах воду возят, а то и просто катаются на них верхом, словно на лошадях», — заявила она, сославшись на слова знакомой старицы. По её мнению, дядя Витя умер не с перепоя, а черти специально пришли за ним, как за любим, кто много пьёт, чтобы окончательно сбить с пути праведного и забрать душу. Фаину всегда удивляло, как много знает Надька всяких поверий, заговоров, историй — вроде бы православных, но на самом деле, она понимала, далёких от истинной церковной жизни. Она часто спорила по этому поводу с подругой, но безрезультатно. А Венера — теперь она ходила в чёрном и непрерывно плакала — остановила Фаину в коридоре и тихо сказала:

— Я твоего Алексея не узнаю. До войны такой добрый был, а теперь злой. Как подменили. Как другой человек стал.

От волнения татарский акцент стал ещё заметнее, а слезы полились ещё сильнее. Фаина знала — Алексей уже после смерти дяди Вити пару раз при соседях неллицеприятно высказался о муже Венеры, и ей стало стыдно. И в то же время она почувствовала в словах соседки какую-то правду. Сколько времени прошло со дня возвращения Алексея, а он по-прежнему держался отдельно. И по-прежнему спал отдельно, на

короткой и узкой оттоманке, положив ноги на стул. Фаина ни разу не видела мужа раздетым. Он даже по дому ходил в старой вязаной кофте и стоптанных валенках, всё жаловался на холод, все мёрз и иногда говорил: «У нас теплее». А когда Фаина спросила: «Где у нас?» — свёл разговор к шутке. Впрочем, в поведении мужа Фаина не видела ничего необычного. Она всю жизнь общалась с людьми старого воспитания, которые считали верхом неприличия обнажаться даже перед близкими людьми. И запихнутые обстоятельствами в маленькую комнату они пытались придерживаться тех норм приличия, что им привили с детства. Фаину до сих пор шокировал вид соседей, спокойно разгуливавших по коридору коммунальной квартиры в одном белье, или соседок, мывших уже больших детей в ванночке посреди общей кухни и тут же самих ополаскивающих по пояс. Она мыла дочку в тазике в комнате, когда муж уходил гулять. Иногда она таким же образом мылась сама, а другой раз ходила в ближайшую баню, вечно переполненную посетителями и не очень чистую. Где мылся Алексей, она не знала, он говорил: предпочитает баню в Соцгородке, которая считалась лучшей в городе и славилась парилкой. Фаина, наконец, решила: Алексей также изувечен, как и дядя Витя, и не способен к семейной жизни. Впрочем, Фаина сама чувствовала, как быстро исчезло у неё влечение к мужу, по которому она все эти годы сходилась с ума. И другие мужчины её тоже быстро перестали

волновать. Раздражала неприязнь Алексея к церкви. Он не запрещал Фаине молиться, но неизменно отпускал какую-то шуточку, так что всякое желание возносить прошения к Богу пропадало. И, наоборот, возникало ощущение, будто она делает если не что-то постыдное, то, во всяком случае, ненужное. А когда у Фаины возникало желание пойти в церковь, муж делал сердобольный вид и предлагал ей лучше отдохнуть и поспать, чтобы потом не жаловаться на усталость. В результате, Фаина почти перестала ходить в храм, и даже божница с иконами в углу комнаты оставалась постоянно завешенной. Единственное отдохновение составляла Иисусова молитва, которую Фаина теперь старалась повторять при любой возможности. Один иеромонах, долго пробывший в лагере и осевший теперь в их городке, научил Фаину читать её таким образом: «Иисусе Христе, Сыне Божий Богородицею помилуй нас».

Читать молитву, несмотря на её кажущуюся простоту, было необыкновенно тяжело. Сразу все вокруг начинало отвлекать, слова путались и забывались. А дома Алексей, словно чуя неладное, мог в самый неподходящий момент незаметно подкрасться и ущипнуть Фаину или рассказать ей какую-нибудь неприличную историю. Молитвенный настрой сразу же пропадал, и в голову начинали лезть какие-то дурные мысли. Поэтому более всего Фаина любила читать Иисусову молитву во время работы, когда она не спеша шла от дома к дому, и ей ничто не могло помешать...

Однажды утром в куче писем Фаина обнаружила телеграмму. Бывший однополчанин Алексея, тот, что когда-то прислал ей письмо о судьбе мужа, сообщал, что приедет на пару дней в их городок и обязательно зайдёт к ним.

К удивлению Фаины, это известие совсем не обрадовало супруга.

— На гостинице сэкономить решил, — съязвил Алексей, перевернувшись с боку на бок. Последнее время он по большей части спал на узкой и неудобной оттоманке.

— Ты как медведь в берлоге зимой, — не раз говорила ему Валя. Алексей почему-то злился на эти невинные слова, ругался и обещал выпороть дочку.

Бывшего сослуживца Алексей встретил как чужого человека. Держался подчёркнуто официально и время от времени отпускал шуточки насчёт отсутствия в гостинице свободных мест. Гость, несмотря на все старания Фаины, чувствовал себя неуютно. Хотя заночевать ему всё-таки пришлось, мест в гостинице действительно не было. Алексей, сославшись на усталость, быстро завалился спать. А Фаина, Валя и неожиданный визитёр допоздна сидели за чаем. Когда рассказы о фронтовой жизни иссякли, гость неожиданно спросил:

— А что у вас так серой пахнет?

Фаина удивлённо принялась. Действительно: все привычные запахи перебивал отвратительный аромат, как будто кто-то долго и непрерывно зажигал спички. Её уди-

вило, что она до этого не обращала никакого внимания на это зловоние:

— Не знаю, — ответила она. — Может, от соседей нанесло.

Укладываясь на пол — других мест в комнате не было — гость, в мирной жизни учитель русского языка и литературы, произнёс:

— Серой да жупелом пахнет по всей улице, — и удовлетворённо пояснил, — «Саламандра» князя Владимира Одоевского. Гость хорошо знал отечественную словесность, даже те произведения, что не входили в школьную программу и теперь не переиздавались. Наутро, чтобы сгладить впечатление, Фаина проводила гостя на вокзал. Муж ещё спал.

— Что с ним такое случилось? — приезжий имел в виду Алексея. — Такой раньше человек был душевный и добрый. И так изменился. Повстречай я его на улице, скорее всего, и не узнал бы.

Фаина ничего не смогла ответить, но всю дорогу домой глотала слезы.

По-настоящему Фаина разрыдалась, когда узнала об аресте Надьки. Дела началось с пустяка. Директор Фарахутдинов, как было уже не раз, потребовал от сотрудницы удовлетворения похоти. Надька обычно не отказывала начальству в его чувственных вожделениях, но тут ему захотелось особо изощрённой французской любви — о ней Фарахутдинов узнал от коллег на совещании в области — и Надька воспротивилась. Из-за того, что её руководитель не отличался чистоплотностью —

в физическом смысле. Расплата последовала незамедлительно. На другой же день ревизионная комиссия райпотребсоюза проверила состояние дел, и вскоре районный суд приговорил Надежду к трём годам лишения свободы за недостачу, как материально ответственное лицо. Она была взята под стражу прямо в здании суда. Сергей Иванович был уже в курсе:

— Ничего тут нельзя сделать, — строго сказал он Фаине, хотя та ни о чём не просила. — Сама виновата. Недавно война кончилась, люди ещё голодают.

— А Фарахутдинов пускай и дальше с французской любовью к подчинённым пристаёт, — Фаина покраснела от этих слов. Из соседских разговоров она знала: другая молоденькая продавщица исполнила все прихоти директора и уже получила за это повышение. Тут Сергея Ивановича прорвало. Фаина никогда не видела его таким злым.

— По этой сволочи — Фарахутдинову, Микаэляну, Перельману — давно тюрьма плачет, — председатель райисполкома пытался говорить спокойно, но было видно: ещё минута и он перейдёт на крик. Как в годы войны: молодой капитан, командир дивизиона гвардейских миномётов, внешне спокойный, а внутри напряжённый как стальная пружина, выжидал нужное время, чтобы отдать команду «Огонь!» и обрушить на неприятеля десятки реактивных снарядов «Катюши».

— Отсиделись за войну в тылу, ожожились, а теперь ещё над жен-

щинами издеваются. Надо бы у них недостачу проверить.

Сергей Иванович ушёл вглубь квартиры, но вскоре вернулся с большим вещевым мешком:

— Тут кое-какие вещи. Передай подруге.

В мешке оказалось тёплое одеяло, свитер домашней вязки, какие-то конфеты, рафинад, несколько цибиков чая и пачек папирос. Дома Фаина добавила шерстяной платок, тёплые перчатки и носки, кое-что из белья — Надька была крупнее Фаины, и особо выбирать было нечего. Тюрьма — барак, обнесённый высоким деревянным забором — стояла на окраине города, далее тянулось голое поле, уже занесённое снегом. А вдоль нечищеного переулка прохаживались люди, пытаясь докричаться до сидельцев, которые выглядывали в крошечные окошки на втором этаже. Или просто махали им руками. Фаина медленно шла вдоль забора, пытаясь найти место, где принимают передачи. Вдруг незаметная калитка отворилась, оттуда высунулась Надька и начала тихо, но энергично звать её. В тесном загоне подруги обнялись. Маленький солдатик с малиновыми погонами конвойных войск и винтовкой выше своего роста — Фаина даже удивилась: как в армию берут таких низких — нервничал и всё повторял — вот-вот придёт начальство. Надька его успокаивала:

— Всё тебе сделаю, всё успею дать.

Фаина опять густо покраснела, зная свободный нрав приятельницы. Она протянула мешок:

— Это тебе от Сергея Ивановича. Три года пройдут, и не заметишь.

Она понимала — несёт какую-то чушь, но так и не смогла придумать, что надо сказать в подобном случае. И потому снова зарыдала...

— Ничего, выдержу. Сибирь ведь тоже русская земля, — пропела Надька на прощание.

Дома Алексей опять ничего не смог сказать, кроме гадости:

— Надька даже в тюрьме передком себе дорогу проложит.

Уютно завернувшись в одеяло, он продолжил беседу сам с собою:

— Не вижу логики. Отказала начальнику. В результате оказалась в тюрьме. И теперь, чтобы выдюжить, будет вынуждена три года давать всем подряд. Наверное, проще было бы разок потерпеть, а потом жить по-прежнему.

Фаина вспомнила нечистоплотного, разъевшегося Фарахутдинова в вечно несвежей белой сорочке, изпод которой просвечивала линялая синяя майка, с животом, свешивающимся через поясной ремень, его хитрые, по-восточному узкие глаза, маслянистую улыбку, раздевающие взгляды, бесстыжие прикосновения и похабные шутки, и подумала: сама, наверное, тоже выбрала бы тюрьму. Она хотела возразить мужу: Надька не такая плохая, но тут перед глазами возник маленький солдатик в малиновых погонах, и слова застыли на языке.

Никогда ещё в жизни Фаине не приходилось так тяжело — до безыс-

ходности. Она не могла понять, как ей строить отношения с мужем, что ждать от него, и самое ужасное, с каждым днём ей всё более казалась: нынешний её муж — совсем не тот человек, которого она знала раньше. Тяготило отсутствие близкой души, кого-то, с кем можно поговорить об этом сложном деле. Фаина с детства привыкла — рядом с ней всегда кто-то был и давал нужные советы. Родители, бабушка с дедушкой, потом Алексей. Та же Надежда не раз и не два подсказывала ей, как поступить в различных ситуациях. Поразмыслив, Фаина поняла: единственный выход — снова идти к отцу Гавриилу. Время для этого было самое подходящее. Наступил Великий Пост. Можно не только побеседовать о животрепещущем вопросе, но также исповедаться и причаститься. Фаина, как и старшее поколение, опытом которого она жила, причащалась раз в год, обычно на первой или четвёртой неделе, реже — на Страстной. Она не представляла, как можно подходить к Святой Чаше, например, раз в месяц, а то и чаще. После возвращения мужа Фаина почти не бывала в храме. А если и случалось зайти в церковь, то всё время дёргалась, то и дело смотрела на часы и, в конце концов, не дослушав службы, спешила домой, чтобы Алексей не догадался, где она была, не сказал очередную гадость. В пятницу первой седмицы Великого Поста, когда празднуется память святого великомученика Феодора Тирона, Фаина после утреннего обхода направилась в церковь. Женщина не торопилась.

Отец Гавриил служил по-уставному долго, и конца литургии преосвященных даров, а затем молебна с благословением колева нельзя было ожидать ранее часу-двух дня, хотя служба началась ещё до рассвета. Однако, подходя к храму, Фаина поняла: привычный ход богослужения сменило что-то неожиданное. Вокруг церкви толпились и тревожно переговаривались прихожане, в основном старушки. Те, кто помоложе, были на работе. Они напоминали испугнутых птиц, которые никак не могли успокоиться. Из разговоров Фаина узнала: отца Гавриила арестовали, как только кончилось богослужение.

И теперь все ждали, когда его выведут. Это известие не удивило прихожан. Отец Гавриил был необычайно строг к себе, не терпел пьянства и безнравственности. В церковном причте далеко не всем это нравилось. Регент хора, церковный староста, председатель ревизионной комиссии, да и некоторые священники вели себя неблагочестиво, приходили в церковь в пьяном виде, устраивали скандалы, брали деньги на свои нужды из церковной кассы. Замечания батюшки приходились им не по душе. В адрес правящего архиерея, местного уполномоченного по делам религии и даже в Патриархию уходили жалобы. Сначала от доносов не было особого вреда, тем более, что батюшка обращался к владыке с просьбой о переводе в другую церковь, но всякий раз получал отказ. Но последний раз донос ушёл в органы государственной без-

опасности. Отца Гавриила обвинили в антисоветской агитации, в тайных контрреволюционных сборищах и в клевете на марксистское понимание мира. Обвинения были серьёзными, и судебная машина закружилась. Когда батюшку вывели из церкви, послышался плач. Народ стал подходить к нему под благословение. Несколько милиционеров стали отгонять людей, но было видно: делают это они неохотно, им стыдно показывать прыть перед старухами и инвалидами. А отец Гавриил словно не замечал, что творится вокруг него, спокойно благословлял всех предстоящих перед ним и без конца повторял:

— К отцу Василию поезжайте.

Арестовывавшие остановили автомашину с углём и с насмешками посадили батюшку в кузов, чтобы довезти до отдела милиции. Некоторые из прихожан помоложе побежали за машиной со слезами, чтобы попрощаться со старцем. Когда машина подъехала к милиции, батюшка был весь чёрный от угольной пыли. Одна из прихожанок успела спросить: «Отец Гавриил, за что вас так?» Тот смиренно отвечал: «За грехи». Фаина стояла в стороне и плакала. Все её планы опять рухнули. Будто кто-то сильный и страшный заранее знал обо всех её намерениях и безжалостно пресекал их в самом зачатке.

Дома Алексей, как обычно, уютно расположился на кровати, закутавшись в одеяло, и с удовлетворением рассуждал, как вовремя арестовали в церкви вражину-антисоветчика,

который и сам не жил, и другим не давал.

— Откуда он уже знает? — с удивлением подумала Фаина. Впрочем, эта новость быстро распространилась по крошечному городку, и Алексей вполне мог её услышать от кого-нибудь.

Из разговоров в церкви Фаина узнала: батюшка после ареста благословлял всех ехать к давнему духовному другу — отцу Василию из села Копытовка. Там перед войной оставался единственный в районе незакрытый храм, в котором отец Василий прослужил всю жизнь. Верующие люди потихоньку ездили туда, чтобы исповедоваться, причаститься, обвенчаться и окрестить детей. И все старались попасть к отцу Василию, который по возрасту давно пребывал за штатом, но, тем не менее, старался служить при любой возможности. Настоятель храма был, говоря советским языком, матёрым провокатором. Даже люди, далёкие от церкви, прекрасно знали его как осведомителя, готового заложить, в случае надобности, и мать родную. Но при этом отец настоятель был умным человеком и видел: к отцу Василию тянется нескончаемый поток паломников с различными добродетельными деяниями для храма — отец Василий был бесребренником. Поэтому настоятель по мере сил, правда, не совсем бескорыстно, оберегал старца и всячески защищал его перед властями. А отцу Василию при случае, всегда наедине, почти-

тельнейше выговаривал, чтобы тот был поосторожнее и зря не дразнил начальство, особенно нецерковное. Впрочем, о поездке к отцу Василию можно было только мечтать. До Копытовки от районного центра вёрст сорок. Железная дорога обошла село стороной, и добраться туда можно только на попутных машинах, водители которых брали с пассажиров бешеные деньги. Фаине оставалось только плакать и молиться по мере сил.

Выход пришёл совсем неожиданно. В разговоре с Сергеем Ивановичем Фаина неожиданно узнала: он собирается в Копытовку. Там разгорался невиданный в истории храма конфликт. Пара молодых, энергичных священников решили сместить отца настоятеля за штат — по возрасту ему было давно пора на пенсию — и взять в руки руководство храмом. Заручившись поддержкой кураторов из компетентных органов, они энергично перешли в наступление. Но отец настоятель тоже был не лыком шит. Добрые люди предупредили его об опасности, и он ответил парой доносов о морально-политическом облике недругов. Назревал неслыханный скандал, и, чтобы разрешить его, требовались силы не только районного начальства, но и уполномоченного по церковным делам из области. Без особой надежды она попросилась в попутчики и неожиданно получила согласие. Сергей Иванович только предупредил: уполномоченный — бывший чекист, и Фаине нужно вести себя с ним поосторожнее. Но женщине

было не привыкать держать язык за зубами. Выехали серым, как говорили люди старшего поколения, великопостным утром. Фаина пришла пораньше, но машина, уже готовая, отмытая до блеска, стояла у дома председателя райисполкома. Весёлый краснощёкий водитель Ваня наводил последний лоск — что-то тщательно протирал тряпочкой, брызгал водой из бутылки и снова вытирал до умопомрачения. Фаине стало смешно от этих напрасных усилий — через полчаса машина будет до крыши залита весенней грязью, и все труды пойдут насмарку. Ваня понял причину улыбок Фаины и смущённо объяснил:

— Привык в Германии, там дороги чистые.

Ваня возил Сергея Ивановича ещё со времён войны. Он объяснил Фаине хитрое устройство трофейных канистр для бензина, укреплённых на подножке. Три ручки позволяли удобно переносить эти сосуды, как вдвоём, так и поодиночке, а в случае необходимости — один человек мог легко перенести четыре пустые ёмкости.

— Хитра немчура, — восторженно заметил Ваня. — А мы их всё-таки перехитрили.

— Ну что — собрался, словно на Дальний Восток? — засмеялся подошедший Сергей Иванович. Он был в хорошем настроении.

— Запас карман не тянет, товарищ начальник, — возразил Ваня. — Мало ли что...

Уполномоченный явился последним. Он напоминал Фаине удава:

такой же немигающий взгляд, узкие сухие губы. «Ещё проглотит ненароком», — пришла в голову мысль. Сергей Иванович представил Фаину как знакомую, которая едет в Копытовку навестить родственников. В поездку Фаина оделась как можно проще: серый платок, коричневое старушечье пальто и резиновые боты. Доброхотные даяния — кое-что из одежды и провизии — она сложила в мешок, который Ваня убрал в багажник. Однако уполномоченный сразу же оценил красоту Фаины и начал её бесцеремонно разглядывать. Потом также бесцеремонно взял её за руку. Вчера весь вечер Фаина чистила овощи, её руки потемнели, и теперь черноту не могло вывести никакое мыло. Это, видимо, не понравилось уполномоченному, и он отпустил её. Все молчали, говорил только уполномоченный. Вернее, расспрашивал о настроениях среди жителей, о том, какие разговоры ведутся по церковным вопросам, высказывает ли кто недовольство и в каком виде. Сергей Иванович отвечал, только когда уполномоченный обращался непосредственно к нему, и всякий раз быстро и ловко сводил разговор на виды будущего урожая. А Фаина смотрела за окошко машины, как позёмка заносит уже появившиеся проталины и как, нахохлившись, сидят на деревьях первые грачи. Постепенно бульжное шоссе, построенное ещё при царе, превратилось в обыкновенную грунтовую дорогу, двигатель надсадно завыл, но машина упорно продвигалась вперёд, раскачиваясь, как лодка во время шторма. Через

стекла, забрызганные грязью, уже ничего не получалось разглядеть. А потом наступила тишина.

Фаина открыла дверцу машины и увидела красивую белую церковь за высокой кирпичной оградой посреди обширного села. Отец настоятель и староста встретили важных гостей у ворот храма и тотчас же повели их в приходской дом. Ваня, не спеша, протёр стекла машины, фары, зеркала заднего вида и лёг отдохнуть, откинув спинку переднего кресла. А Фаина пошла искать отца Василия. Огромная площадь перед храмом была когда-то вымощена булыжником, который давно утонул в липком чернозёме, и теперь только отдельные камешки выступали над землёй. Старые резиновые боты оказались как нельзя кстати. Заведующая хозяйством, по виду жена одного из священников, кисло посмотрела на скромные приношения и промолвила:

— Нам деньги нужны. На ремонт.

Фаина вытащила из внутренне-го кармана две последние десятки и отдала их. На вопрос, где найти батюшку, заведующая хозяйством посоветовала поискать его в церкви. Храм был старинный, двухэтажный, со множеством притворов, обширной трапезной и высокой колокольней. На верхнем этаже было светло и пустынно. Уборщица, мывшая и без того чистый пол, погнала Фаину:

— Вниз, вниз ступай, не пачкай. Там, внизу, батюшку и найдёшь.

В нижнем зимнем приделе, на оборот, было темно и прохладно, Фаина с трудом различила старичка

у аналоя, читавшего толстую книгу. Она молча подошла и стала рядом. Отец Василий был всецело погружён в молитву и, казалось, не замечал молодую женщину. Вдруг он неожиданно захлопнул книгу и спросил:

— Говори, матушка, с чем пришла.

И опять Фаина со слезами, сумбурно и несвязно выплеснула всё, что её беспокоило. В первую очередь, насчёт мужа, который вернулся домой вопреки всем смертям, но совсем не таким, каким уходил на фронт, а теперь она не знала, как ей строить отношения с ним, что ждать от него, и самое главное — о мучавших её сомнениях: нынешний её муж совсем не тот человек, которого она знала раньше. Когда Фаина говорила о сомнениях насчёт мужа, ей казалось: отец Василий прервёт, высмеет, но тот выслушал её совершенно спокойно, с немного отсутствующим видом. Она даже решила: батюшка ничего не понял из её несвязной речи. Но это оказалось не так. Отец Василий, словно очнувшись от дремоты, внезапно прервал повествование Фаины слабым, но отчётливым голосом. К удивлению Фаины, отец Василий повторил то же, что ей говорил когда-то отец Гавриил. Он велел принимать все невзгоды со смирением, молиться о муже как об умершем, и тогда, если Богу будет угодно, он пошлёт женщине нового спутника жизни. Фаина решила: старец не понял или прослушал её, и повторила:

— Мой муж вернулся с войны.

— А может, муж на самом деле — и не муж, — неожиданно ответил ба-

тошка. — Вот котов, к примеру, многие очень любят. Некоторые барышни их в комнате с собой селят и даже в постель берут. И что котище этот — муж её, хотя и в постели нежится вместе с барышней?

Отец Василий привык говорить обиняками. Иногда даже немного юродствовал. Поэтому, честно говоря, Фаина не поняла сказанное. Батюшка сказал ещё что-то про котов, как надо с ними вести себя осторожно, про лукавого, который может принимать странные образы, про непрестанную молитву, спасающую от всяких напастей. А потом посмотрел на недоумевающую женщину, благословил её по-иерейски, резко раскрыл книгу и продолжил чтение, словно рядом никого не было. Удивлённая до глубины души Фаина вышла из храма. Она мало что поняла в словах старца, но чувствовала: в них заключена разгадка и отношений с мужем и всей будущей жизни.

— Коты? Причём тут коты? — думала она. Ей казалось: она пробыла с отцом Василием не более получаса, но на улице уже вечерело. На фоне ярко-красного неба чернели крыши изб и голые ветки деревьев.

— Завтра ненастью быть, — показав Ваня на алеющий запад. Он уже проснулся и с аппетитом ел пирожки, принесённые ему из приходского дома.

— Пора ехать, — сказал Сергей Иванович. — Всё удалось решить.

Он долго прощался с отцом настоятелем и старостой. От всех троих довольно сильно несло винным духом. Из разговоров Фаина поня-

ла: конфликт удалось погасить мирным путём, отец настоятель остался в должности, а двум виновникам смуты епархиальный владыка — он тоже участвовал в приходском собрании — пообещал вакантные места настоятелей в других приходах. Не было только уполномоченного. Он не рассчитал сил, и после братской трапезы, завершившей общее примирение, спал мёртвым сном. Сергей Иванович обещал прислать за ним с утра машину. Когда выехали из Копытовки, снова подул сильный ветер, и позёмка завела монотонную песню. Странно было видеть, как голые апрельские поля быстро покрылись густым снегом.

— Погода какая, — вздохнул Ваня. — Скоро Страстная...

Неожиданно Сергей Иванович запел: «Вдоль по улице метелица метёт...»

Голос — тенор — был несильный, но приятный. Фаина вспомнила, как до войны её муж тоже любил петь, занимаясь каким-то делом, и почувствовала, что вот-вот разрыдается.

Фаина попросила Ваню остановить машину возле дворца культуры. Сергей Иванович предложил довезти её до дома, но она отказалась, чтобы не привлекать внимания соседей. Знакомая тётка, укутанная как чайная баба, продавала мороженое. Рядом скучал в полушубке и валенках регулировщик ОРУД-ГАИ. Движения на улице почти не было. Фаина вспомнила, как ходила сюда на танцы, и ей снова стало стыдно. Подъехал грузовик. Мордатый краснорожий водитель не спеша вылез

из кабины и мрачно кивнул милиционеру:

— Здорово, начальник!

Тот также мрачно ответил:

— Здорово.

Мороженица нацедила водителю большой стакан водки. Тот не спеша выпил, занюхал рукавом, также не спеша залез в кабину и поехал дальше. Ваня с улыбкой сказал:

— А мне кажется, когда-нибудь пить за рулём запретят. Скорости с каждым годом все быстрее, тут и трезвому трудно сориентироваться, не то что пьяному.

— Для этого сначала нужно создать комфортные условия труда, чтобы водители не мёрзли в машине, как цуцики, и не грелись очищенной, — сказал Сергей Иванович. Он купил у мороженицы пару пачек эскимо и бутылку лимонада и отдал Фаине со словами:

— Это Вале.

По дороге домой Фаина зашла в церковь. Служба давно отошла, но она застала знакомого священника, который как раз запирал двери храма. Тот, видимо, торопился домой поужинать, но стоически выдержал сумбурный пересказ всего того, что поведал отец Василий.

— Нечистая сила способна принимать самые разные образы, — резюмировал священник. — Но если он не муж, а нечистая сила, то у него копыта должны быть и хвост. И рога. Но рога совсем короткие могут быть, в волосах их не увидишь. Так что ты сначала выясни это, а потом уж человека обвиняй.

И пошёл восвояси.

Дома Алексей как обычно лежал на оттоманке. В комнате было непривычно жарко, он скинул свитер, тёплые носки и остался в одной исподней рубаше и старых домашних брюках.

— Добрый вечер, милая. Как там отец Василий поживает? Вроде бы и умный человек, а как начнёт всякую околесицу нести, ничего не поймёшь, что он сказать хотел.

Он словно издевался над Фаиной. Та не говорила ему ничего о поездке, тем более, о её причине. Заметив удивлённый взгляд жены, Алексей спросил:

— Ты что, копыта думала у меня увидеть? Может, у меня и рога на башке растут? — он поймал руки супруги и положил их себе на голову. Действительно, никаких рогов не было.

— Хотя, может, твоими стараниями и вырастут. Мало ли что ты во дворце культуры натанцевала.

Фаине стало невыносимо стыдно. Наверняка кто-нибудь из знакомых видел, как она ходила на танцы, а может, и встретил её с каким-то мужчиной. А теперь все рассказал Алексею.

— Ладно, не плачь, — снисходительно заявил муж. — Такие нам нужнее.

— Кому нам? — удивилась Фаина. Ответа не последовало.

На Пасху Фаина в церковь не пошла. Храм был настолько переполнен, что войти в него просто не

было никакой возможности. Наиболее предприимчивые занимали места чуть ли не с утра. У Фаины такой возможности не было. Она немного постояла во дворе — двор был тоже набит до отказа людьми — посмотрела крестный ход, послушала песнопения светлой заутрени, льющиеся из окон, и пошла домой. Там они с Валею разговелись подаренным куличом и крашеными яйцами. Алексей уже спал или делал вид, что спит. В церковь Фаина решила сходить в будни на Светлой Седмнице, когда прихожане на работе, и в храме свободнее. Холодные, ветреные и дождливые дни Страстной недели, когда, казалось, даже природа оплакивала крестные муки и кончину Спасителя, внезапно сменились тихой и солнечной, непривычно жаркой погодой. Так часто бывает на Пасху. Выходя из храма, Фаина неожиданно столкнулась с Сергеем Ивановичем. От неожиданности она смутилась и не нашла ничего лучшего, как сказать «Христос Воскресе!», хотя тут же подумала: её знакомый — партийный, и приветствовать его по-церковному неприлично. И точно также Сергей Иванович ответил: «Воистину Воскресе», — а потом быстро оглянулся — убедился, не услышал ли кто его. Причина неожиданного визита была грустной. На второй день Пасхи скончалась мама Сергея Ивановича, и он пришёл договориться об отпевании на дому. Старушка, дожившая до глубокой старости, умерла спокойно во сне. Попила чаю с куличом, прилегла на часок отдохнуть и не проснулась. Фаина хорошо

знала усопшую, много раз оставляла ей письма для сына, рассказывала местные новости. Она пообещала прийти, проводить покойную.

Лежавшая на столе в затенённой, уставленной горшками с цветами комнате, мама Сергея Ивановича показалась крохотной. Будто она уснула. Не чувствовался даже запах тления, обычный для мёртвых тел. Людей было немного: несколько старушек-соседок, хор монахини Сусанны — это она когда-то рассказала о страшном происшествии на Старом кладбище — из таких же старушек и пожилой священник, в котором Фаина с удивлением узнала того батюшку, что служил литию перед началом учебного года.

Батюшка снял серое летнее пальто и шляпу, надел скуфью, выпростал из-за пояса длинные полы рясы. Епитрахиль и поручи были уже одеты. Из серой матерчатой сумки — в таких хозяйки обычно носят с рынка всякую снедь — он извлёк потёртую фелонь. Батюшка разжёл кадило, бросил пару крупниц ладана, покадил усопшую и начал как обычно: «Благословен Бог наш...» Фаине много раз приходилось бывать на отпевании, слушать панихиды и заупокойные литии. Однако сейчас, в пасхальную седмицу, последование погребения мертвенных тел звучало как-то необычно. Обычно томительная и долгая служба слушалась легко. В ней почти не говорилось о смерти. Певчие всё время повторяли пасхальные тропари, кондаки, стихиры, канон. Это воспринималось как неожиданное откровение, и имя

усопшей звучало на фоне пасхального благовеста, как имя не мёртвой, но живой. Возглас «Христос воскрес из мертвых...» удивительно гармонично сочетался с пением «Во блаженном успении...». В службе всё было взаимосвязано, всё говорило: временную смерть сменила вечная жизнь, светлая и бесконечная.

Сергей Иванович с водителем и двумя старичками-соседями вынес маленький лёгкий гроб и погрузил его в кузов грузового автомобиля. Там же на скамейках вдоль бортов расположился хор с матушкой Сусанной. Фаину Сергей Иванович посадил в кабину к водителю. Туда же он хотел посадить и священника, но батюшка отказался и легко для своего возраста запрыгнул в кузов к монахиням. Тогда Сергей Иванович сел рядом с Фаиной. Автомобиль заурчал, выбросил струю дыма. Он работал на дровах от газогенератора, всё время пыхтел, а при любом, даже незначительном, подъёме начинал задыхаться и сбрасывать скорость. Председатель горисполкома выбрал в подведомственном гараже самую простую машину. Бензин был в дефиците, и его следовало оставить на более важные нужды. Впрочем, как всегда на похоронах, никто никуда не торопился. Автомобиль медленно полз по улицам родного городка. Хор монахинь негромко, но отчётливо пел пасхальный канон. Немногие прохожие останавливались и долго смотрели вслед. Те, кто постарше, крестились. Погода даже для пасхальной недели была исключительная, и Фаина невольно подумала:

как хорошо, что мама Сергея Ивановича умерла без боли и страданий в такие чудные дни, в такой большой праздник. Но потом она вспомнила эту милую старушку, всегда добрую и приветливую, говорившую на удивительно чистом русском языке, на котором сейчас уже никто не говорит, что почувствовала, как у неё по щекам бегут слезы. Сергей Иванович ничего не сказал и только с нежностью и любовью взглянул на плачущую Фаину. Родные Сергея Ивановича были похоронены на старом кладбище. Его семейный участок располагался рядом с участком Фаины, и она невольно подумала: может, после смерти они также будут лежать рядом. И от этой мысли ей стало удивительно приятно.

Машина доехала почти до самой могилы. А до неё гроб пронесли на руках два дюжих и мрачных землекопа. Батюшка шёл за гробом с пением пасхального тропаря, а перед погребением ещё раз совершил заупокойную литию. После Сергей Иванович долго стоял над свежим холмиком земли, опершись на чугунную кованую ограду, а водитель с нетерпением поглядывал на него, но не решался ничего сказать начальнику. Когда стали собираться обратно, заметили: батюшка куда-то пропал. Видимо, не стал дожидаться машины и ушёл пешком. А может, захотел проведать другие могилы, кого-то из родных или близких. Дома с помощью соседей и кого-то из знакомых был приготовлен поминальный обед. Фаина тоже была приглашена на трапезу, но отказалась: пора было

разносить вечернюю почту. Рабочий день никто не отменял.

Вечером муж внимательно спросил о похоронах. Его интересовали любые мельчайшие подробности, которые он выуживал у супруги. Неожиданно Алексей сказал:

— Твоего друга с должности снимают. Последний денёк гуляет. Завтра придёт на работу, а ему адью. Ищите, где вы родине нужнее.

Фаина от неожиданности чуть не выронила чашку с чаем:

— За что? А ты откуда знаешь?

— Видимо, за всякие хорошие дела. Меньше надо было с попами якшаться.

— Ты-то откуда знаешь, — повторила вопрос Фаина.

— Добрые люди сообщили. Добрых людей много. У вас Никодимы, а у нас свои.

— У кого, у вас, — закричала Фаина. Алексей с хитрой улыбкой уклонился от ответа. Фаина швырнула в него подушкой, а потом собрала чайную посуду и долго плакала на кухне, благо, никого из соседей рядом не было. Она привыкла в жизни к любым неурядицам, но сейчас почувствовала себя окончательно убитой.

III

Алексей не обманул. Когда Фаина в следующий раз принесла очередную порцию почты, она застала Сергея Ивановича за сборами. Тот аккуратно складывал в небольшой чемодан одежду и вещи, нужные в пути. От слов сочувствия Сергей Иванович только досадливо отмахнулся. Он

сказал: жалко, конечно, оставлять родной городок, но в тот же день, когда на бюро райкома партии инструктор из области сообщил о его отставке, позвонил старый, ещё довоенный приятель — теперь важная шишка в столичном министерстве — и предложил должность начальника большой стройки в Сибири, как раз по специальности Сергея Ивановича. А в перспективе — должность директора создаваемого завода. Такой шанс бывает только раз в жизни. Сергея Ивановича больше беспокоило другое. Когда в день похорон вечером он зашёл в церковь заплатить за требу, оказалось: священник перепутал время и пришёл позднее, когда все уже уехали на кладбище. Теперь его мучила мысль, откуда взялся другой священник, откуда он узнал, что нужна его помощь, кто он вообще такой. На эти вопросы никто не мог дать ответа.

— Чудо какое-то, — без конца повторял бывший председатель горисполкома.

На пост нового председателя горисполкома рвался Перельман, но тут все бюро райкома стало против, и в итоге на эту должность рекомендовали знакомого Сергея Ивановича, тоже бывшего фронтовика. Тот клятвенно обещал докончить все начинания предшественника. Сергей Иванович попрощался, оставил адрес, на который пересылать письма и бандероли. Он уехал ночным поездом, и никаких проводов, естественно, не получилось. А в жизни Фаины наступила страшная, ничем не заполненная пустота.

Фаина всё больше и больше чувствовала себя одинокой, а мужа — чужим человеком. Если бы не Валя, она, наверное, наложила бы на себя руки. Одна эта мысль страшно пугала Фаину, но избавиться от неё она никак не могла. Хотя жизнь продолжалась по заведённому порядку. Фаина ходила на работу, Валя в школу, Алексей спал по полдня, а потом гулял по городу или беседовал с соседями. Каждый такой разговор неизменно кончался скандалом. Невинная фраза-другая, вовремя подброшенная мужем, действовала как горящая спичка в канистре с бензином. На все упреки Алексей неизменно отвечал:

— А я что такое сказал?

И действительно: его слова на проверку оказывались нейтральными, лишёнными всякого злого умысла. По утрам муж обычно ходил за газетами, а потом, после завтрака, не спеша занимался чтением. Если дома оказывалась Фаина, он оглашал ей интересные, по его мнению, новости вслух и тут же их комментировал. Жарким июльским утром он, как обычно, раскрыл «Правду» и громко прочитал:

— ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». Вот теперь попы повернутся. Кончилось их сладкое житие.

— Что ты их так не любишь? — не выдержала Фаина.

— Бездельники. Пользы от них никакой нет. А вреда много.

Фаина вспомнила отца Гавриила, отца Василия и того безымянного батюшку, что безвозмездно отпел маму Сергея Ивановича, и захотела возразить мужу. Но потом поняла: бесполезно.

Снова свежая и полная зелени весна сменилась жарким и душным летом, с белесым небом, затянутым дымкой, с суховеями. Погода изматывала Фаину, но Алексею она нравилась, и он не раз повторял:

— Хорошо-то как! Как у нас...

— Где у вас? — спрашивала Фаина, но ответа не получала. Соседи считали: Алексей, намерзшись на фронте в болоте, до конца дней будет ненавидеть холод. Однажды таким душным вечером Алексей неожиданно предложил супруге:

— Пойдём, прогуляемся, воздухом подышим.

Фаина радостно согласилась. Дома невыносимо жарко, из открытого окна не долетало ни малейшего дуновения ветерка, а посеребрившие листья на деревьях обвисли как тряпки. Валя играла во дворе с детьми. Фаина наказала ей не выходить за ворота. В городе объявили карантин из-за нескольких случаев менингита. Строжайше было запрещено купаться в Черемшане, других речках и ручьях и в прудах-копанках. Дети постарше и похитрее без труда обходили все запреты, забираясь поплавать и поплескаться подальше от дома, где никто из взрослых их не мог обнаружить. Фаина боялась — Валя присоединится к компании

таких ребят-своевольников, и по нескольку раз на день предупреждала её, чтобы она далеко от дома не уходила. Фаина вежливо и не спеша поздоровалась с соседями, которых нестерпимый жар тоже выгнал на улицу. Несмотря ни на что, ей было приятно: она идёт под руку с законным мужем, и кое-кто ей наверняка завидует. Они пошли в центр города. До главной, Большой улицы было меньше четверти часа ходу. Из открытых окон крохотного, такого же ветхого, как и Фаинин, особняка доносился женский плач, точнее, даже не плач, а звериный вой. Фаина невольно прижалась к мужу и крепко сжала его руку. Она хорошо знала причину рыданий. Это мать оплакивала дочку-подростка, умершую от менингита. Несчастливая работала в библиотеке, и Фаина часто видела её, когда заходила поменять книги. Ребёнок был поздним и единственным. Мать над ней тряслась, сдувала каждую пылинку, и её кончина была таким ударом, что она этого не перенесла. Временами плач прекращался, и тогда из окон неслись кошунственные слова, от которых Фаине становилось особенно жутко. Но она не знала, как остановить их, что сказать в утешение. На память приходила только фраза из Евангелия: «Не препятствуйте детям приходиться ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». Но сейчас даже они вряд ли бы утешили скорбящую мать.

— Наших кличет, — удовлетворённо сказал Алексей. — Все по церквам бегают, а случись что — сразу наших вспоминают.

У Фаины сразу же пропало желание гулять. Равно как и всякие нежные чувства к мужу, которые только-только возникли. Она шла дальше чисто машинально, и уже ничего её не радовало. В самом центре города, на бывшей базарной площади, по инициативе райисполкома разбили сквер с цветниками. Местный садовник — Сергей Иванович всегда гордился: переманил его из областного центра, хотя того выгнали с работы за пьянство — предпочитал диковинные растения. Из древесных росли неизвестные в этом краю каштаны, грецкие орехи, клёны, барбарисы, туи и даже уникальное дерево гинкго, которое, правда, приходилось укрывать на зиму. На каменистых клумбах цвели белые, розовые, лиловые и красные астильбе, их был готов сменить актониум, окаймлённый седым гнафалиумом и церастииумом, и генцианы. А на соседних клумбах росли гравилат и дельфиниум. Бордюры были окаймлены синей и лиловой виолой. На их фоне ирисы и пионы казались родными и знакомыми. Но особую любовь садовник проявлял к конопле и маку. Высокие, ядовито-зелёные стебли служили фоном, на котором быстро распускались и отцветали алые бутоны. Их сменяли гвоздики, а каннабис так и стоял плотной стеной до поздней осени. Алексей подошёл и размял пару темно-зелёных листьев. Резкий, травянисто-удушливый запах ударил в нос Фаине.

— А знаешь, из неё приятное курево можно сделать, — удовлет-

ворённо отметил Алексей. Фаина представила, как местные мужики обрывают на самокрутки листья конопля, и ей стало смешно.

— Смейся, смейся, — рассердился Алексей. — Народ раскусит — привыкнет. Садовник вот уже оценил.

Гулять больше не хотелось. Фаина повернула обратно и потянула за собой мужа. Чтобы не слышать более безумные вопли женщины, потерявшей дочь, они пошли другой дорогой. Удушливый запах каннабиса никак не мог выветриться, но неожиданно его сменил ещё более неприятный серный запах.

— Совсем как тогда, когда приезжал фронтовой товарищ мужа, — вспомнила Фаина. Новый аромат учуял и Алексей. Он глубоко вдохнул воздух, словно букет дорогих духов, и радостно воскликнул:

— Пробирается! То-то ещё будет!

— Кто пробирается? — резко спросила Фаина.

Её уже давно стали раздражать недомолвки мужа.

— А я откуда знаю, кто именно? — неожиданно ответил тот. На улице постепенно темнело, духота уже не мучила так сильно. «Жар свалил, повеяло прохладой», — в мыслях Фаины неожиданно всплыли эти строки. Тут из-за крыш домов, со стороны Старого кладбища, поднялся огненный шар, как когда-то накануне приезда мужа, и рухнул где-то совсем рядом.

— Что это? — Фаина вцепилась в руку мужа?

— Скоро узнаешь, — как обычно загадочно усмехнулся Алексей.

На другой день во время утреннего обхода Фаина встретила монахиню Сусанну и узнала от неё немыслимую новость. Девочка, умершая от менингита, неожиданно воскресла. Сторож морга, зайдя поздним вечером в трупохранилище, — там на леднике он прятал от жены и сослуживцев купленную на последние деньги чекушку — обнаружил озябшего подростка, закутавшегося в казённую простыню. С диким воплем он кинулся к дежурному врачу — девочку уложили в постель и напоили горячим чаем. Мать барышни от переживаний окончательно сошла с ума. Она то плакала, то смеялась, и никак не хотела верить в происшедшее. А в городе только и говорили об этом случае. Фаина была искренне рада и за мать, и за дочку. Однако монахиня Сусанна была иного мнения. Она видела в этом проявление не божественной силы, а действие лукавых духов.

— Не божеское это явление, — без конца повторяла она.

Действительно, девочка из мягкой и доброй, после воскрешения стала жестокой и злой, так что многие соседи её не узнавали.

— Опять недовольны, — комментировал Алексей, лёжа в постели. — Человека, можно сказать, вернули с того света, и опять это не нравится.

В конце концов, мама с дочкой неожиданно пропали. Как говорили, они уехали из города неизвестно куда.

Фаина почти перестала ходить в церковь. В этом её всячески поддерживал муж.

— Отдохни лучше. А то опять не выступишь, — регулярно повторял он. Когда в августе — лето пробежало незаметно — она пошла на престольный праздник Успения Божией Матери, первый, кого она встретила, был знакомый священник.

— Ну что, копыт у мужа не наша? — с улыбкой спросил тот.

Фаина не смогла придумать, что ответить, и густо покраснела. Все чаще и чаще она думала: зря клеветает на Алексея, все изменения в его характере в худшую сторону — результат войны, и тут ничего не попишешь, а надо приспособливаться к родному человеку, такому, какой он есть. Так в грустных размышлениях незаметно прошло сухое и жаркое лето, его сменила солнечная и тёплая осень, а потом и зима прислала первых вестников — мороз и сильный степной буран. В тот день Алексей вошёл с улицы покрасневший и в снегу.

— Ну и погодка, — произнёс он, отряхивая пальто и шапку.

Сегодня он был спокойным и даже ласковым. Никакие гадости не говорил. С удовольствием поел мясные щи. Попросил налить рюмочку, наверное, первый раз после возвращения. Фаина удивилась, но просьбу выполнила. А потом Алексей неожиданно предложил погулять. Фаина взглянула в окно. Ветер стих, и лишь багровое вечернее небо говорило: ненастье только взяло передышку,

чтобы потом обрушиться на город с новой силой. Идти из тёплой комнаты на холод не особо хотелось, но и отказать мужу — тоже неудобно.

— Пошли, пошли, — торопил он.

В этот раз они пошли не в центр города, а на окраину, где среди занесённых снегом лугов и зарослей кустов петлял изменчивый, ещё не замёрзший Черемшан. Идти туда Фаине не хотелось, но она никак не могла сформулировать просьбу вернуться, чтобы муж послушался и в то же время не обиделся. За своими мыслями она не сразу заметила, как из дырявого кармана — сегодня она как раз собиралась его зашить — выпали ключи. Фаина вернулась, присела и начала лихорадочно шарить по уже промёрзшей, чуть-чуть присыпанной снегом земле. Муж в нетерпении переминался с ноги на ногу. Взгляд Фаины остановился на свежих следах. Это были отпечатки копыт. Она могла поклясться: выходя из дому Алексей обулся: грубые армейские ботинки он носил и зимой и летом. Но теперь из-под брюк выглядывали здоровые чёрные копыта. От изумления Фаина уронила ключи, которые только что нашла. Алексей поднял ключи, взял жену под руку и повёл к берегу реки. Когда он коснулся Фаины, она сразу же почувствовала себя в оцепенении. Волю как будто парализовало, и что-то тёмное и страшное надвинулось и сдавило душу. Её словно во сне тащила какая-то неведомая сила. Руки и ноги перестали слушаться, она словно окаменела. И только разум бастовал против этого насилия.

Сознавая отчаянное положение, она пробовала молиться, но никакие прошения не приходили на ум.

Тут Фаина заметила: они не одни. На берегу стояли старичок в старорезжимном картузе и поддѣвке, Велесов внук в уродливом цилиндре — такие головные уборы обычно носили буржуи на карикатурах и плакатах, умершая и воскресшая девочка, её мать. Все о чём-то оживлённо спорили, при этом время от времени отрываясь от земли и зависая в воздухе. В этом месте когда-то была водяная мельница. Здание без присмотра рухнуло, плотину давно размыло вешними водами, и от сооружения остался только глубокий омут, в котором вертелся постоянный водоворот. Крутой уклон к воде ограждала ветхая, давно подгнившая ограда. Именная там и собралась вся эта нечисть.

— Заждались, голубушка, — радостно и злобно проблеял Велесов внук. — Небось, опять рисунки какие тряпочкой стирала!

— С приходом, мать, — с грубой усмешкой поздоровался старичок в картузе и поддѣвке. А девочка ничего не сказала, а подбежала и крепко обняла Фаину. «Какие у неё злые глаза», — в ужасе подумала женщина.

— Ну что, купальный сезон считаем открытым, — весело улыбнулся Алексей. Ей стало по-настоящему страшно. Так жутко не было даже тогда, когда немецкие самолёты пикировали на их беззащитный город, а жильцы дома прятались в наскоро вырытой во дворе щели. Тогда Фаина закрывала телом Валю и думала

только о дочке. Для испуга — времени и места просто не оставалось. Словно в тумане Фаина делала отчаянные попытки вырваться. И вдруг ей неожиданно вспомнились слова отца Гавриила:

— Никого не бойся. Никаких велесовых внуков не бойся.

— Я никого не боюсь, — прошептала Фаина.

И тут ей, наконец, с великим усилием удалось мысленно произнести: «Господи, помилуй». Она сразу же очнулась. Около неё никого не было. Только следы копыт разбегались в разные стороны. А она сама стояла у края обрыва. Ещё один неосторожный шаг — и она рухнула бы в реку...

— Да воскреснет Бог и расточатся враги Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым да исчезнут... — раздалось пение.

Из-за поворота показался тот неизвестный священник, что служил литию у школы первого сентября, а потом отпевал маму Сергея Ивановича. Только теперь он был в зимнем пальто с барашковым воротником и тёплой шапке.

— Ну что раба Божия, все враги рассеялись, — радостно молвил он.

Силы оставили Фаину и она тихо сползла на землю.

Добрые люди отвезли женщину в больницу. Они же сообщили о её болезни соседям, и те следили за дочкой и подкармливали её, пока мать несколько суток находилась между жизнью и смертью. Впрочем, Валя была уже пости взрослой и не требо-

вала особого внимания. Более всего она хотела к маме и всё плакала, что её не пускают. Первый, кого Фаина увидела, очнувшись, был Сергей Иванович. От неожиданности она не нашла ничего лучшего, как спросить:

— Ты-то хоть настоящий?

И тут же пожалела о своей глупости. Но Сергей Иванович не обиделся. Он принёс Фаине поесть, много вкусных вещей, даже небольшую баночку чёрной зернистой икры — женщина тотчас подумала: нужно при случае передать эту икру Вале, при её малокровии она особенно полезна. Сергей Иванович получил значение на стройку и ненадолго заехал в родной город, чтобы забрать или раздать вещи.

— Ты знаешь, — сказал он, — я свои полдома отдал под детский сад. Зачем он мне. На новом месте обещают хорошую казённую квартиру, хотя мне и одной комнаты за глаза хватит. И Ваня хочет ко мне ехать.

В больнице они неожиданно и совершенно незаметно для себя перешли на ты. Сергей Иванович ещё заходил к Фаине в больницу пару раз и даже помог ей добраться до дома при выписке, настолько она была слаба. Зима уже вступила в свои права. Когда Фаина открыла скрипучую калитку, ей показалось: она не была дома целый век. Из кустов с робким мяуканьем вылез худой ободранный кот, так напомнивший Фаине Алексея улыбкой, неуместной на звериной морде. Он радостно подбежал и, виляя хвостом, долго обнюхивал руки. А может, это было совсем дру-

гое животное, Фаина понять теперь не могла.

— Брысь, — строго сказала она, и недовольный кот снова скрылся в кустах.

В доме всё было в порядке, всё прибрано, Валя сыта. На окне стояла такая же баночка с зернистой икрой. Сергей Иванович отказался от чая, он хорошо понимал: Фаине сейчас лучше побыть вдвоём с дочкой. Но обещал ещё зайти перед отъездом.

— Я все его вещи выкинула, — сказала Валя.

Она теперь упорно не говорила слово «отец».

Фаина взяла маленький старый портфель. В нём муж — или не муж, она не понимала, как его звать — хранил документы и деньги. Теперь там лежал какой-то мусор, сухие листья, нечистоты. И крохотный листок бумаги — извещение о смерти. Из него явствовало: настоящий муж Фаины, тяжело раненый, лежал в тыловом госпитале в соседнем городке, совсем рядом, и умер от ран спустя почти год по окончании войны. Там же были сведения о месте его захоронения. Чтобы понять смысл, Фаине пришлось несколько раз перечитывать расплывающиеся перед глазами строки. А потом она откинула эту бумажку и зарыдала, завыла, запричитала так, что Валя кинулась к ней со словами:

— Не надо, мамочка, не надо!

Постепенно Фаина успокоилась, вышла на работу, и все прошедшее стало казаться дурным сном. Сосе-

ди были уверены: Алексей сбежал к другой женщине, не оставив никаких следов, и снова жалели молодую женщину и её дочку. Фаина старалась на эту тему не говорить. Единственно, с кем она поделилась — была тартарка Венера. Как ни странно, она сразу же поверила в удивительную историю, случившуюся с Фаиной.

— Шайтан, настоящий шайтан, — повторяла Венера. — Я как чувствовала, что-то с ним неладно. Так ловко всем глаза замутил.

На работу Фаина вставала по-прежнему рано. Но однажды стук в дверь застал её ещё в постели. Пышущая зимним холодом, в комнату ввалилась Надька. В руках она держала укутанного в толстое ватное одеяло грудного ребёнка. В тюрьме Надька родила девочку, и её освободили досрочно. Идти Надьке было некуда. Дома из тюрьмы, да ещё с младенцем на руках, её никто не ждал, и волей-неволей ей пришлось попроситься жить к единственной подруге. Фаина была даже рада: заботы о малышке отвлекали от тяжких дум и позволяли скорее забыть недавние ужасы. Соня, так звали девочку, была очаровательным ребёнком. Тихая и спокойная, она почти никогда не плакала, а по большей части гулила и улыбалась чему-то хорошему, одной ей ведомому. Охотно шла на ручки и крепко прижималась к взрослым, всецело доверяясь их защите. Валя тоже была от Сони без ума и время от времени просила маму родить ей такую же симпатичную сестрёнку. Однако места четвертым в их комнате явно не хватало.

Кровать Фаина уступила Надьке с дочкой, Валя спала теперь на оттоманке, а ей самой приходилось теперь располагаться на полу, благо этажом ниже жили соседи, и доски были тёплыми, однако изо всех щелей нещадно дуло. На старой работе Надьку тоже оказалась никому не нужна. Там произошли большие изменения. Фарахутдинова, Микаэляна и Перельмана сняли и отдали под суд. Новый заведующий районной потребкооперацией по фамилии Пелипенко, бритый налысо, с ранней весны до поздней осени ходил в соломенном брыле или сером холщовом картузе, в рубахе-вышиванке навыпуск и в безобразно широких брюках, отчего напоминал вставшего на задние ноги игрушечного бегемотика. Иными словами, внешне он был точной копией нового, только входившего в силу лидера страны. Про предшественников любил часто и с укоризной повторять:

— Ведь не русские же люди. Что с них взять.

Себя он искренно считал честным человеком, патриотом, ничего не воровал, а только получал с каждого магазина ежемесячно твёрдый взнос продуктами и деньгами. А для продавщиц помоложе и посимпатичнее он установил, как шутили, «натуральный налог». Из приватных женских разговоров стало известно: новый начальник такой же любитель французской любви как Фарахутдинов или Перельман. Пелипенко поговорил с Надькой, задал ей двусмысленный вопрос, но принять её снова на работу, даже уборщи-

цей, отказался. Во время очередного утреннего обхода Фаина поделилась проблемами с монахиней Сусанной. Та внимательно выслушала историю непутёвой Надьки, вздохнула и молвила:

— Или мы не христиане! Ведь надо её взять!

Монахиня Сусанна жила с несколькими такими же старушками в крошечном домике на окраине городка. Это был монастырь в миру, незаметный для непосвящённых, даже для соседей. Она ещё несколько раз вздохнула, видимо, представив, какой беспорядок внесёт в их тихую жизнь молодая женщина свободных нравов да ещё с ребёнком, но снова повторила:

— Надо её взять!

Монахиня Сусанна нашла Надьку и работу. Через пару дней Фаина встретила подругу в храме. Та в чёрном халате, стоя на коленках, тщательно оттирала пол от капель воска и грязи, въевшейся в трещины чугунных плит. А Соня лежала рядом на скамейке в плетёной корзинке, весело улыбалась всем и гулила. От монахини Сусанны Фаина узнала и о таинственном священнике, которых неожиданно появлялся и также неожиданно исчезал. Батюшка, высланный из Москвы ещё в 20-е годы, обитал тихо и незаметно — в затворе, в бедности, в крошечном чуланчике. Добрые люди дали ему жильё, кормили и поили. Он почти не выходил из дома и в одиночестве нёс подвиг молитвы. Но иногда, крайне редко, он покидал обиталище, и всякий раз его присутствие оказывалось важ-

ным. Именно его позвала матушка Сусанна на отпевание матери Сергея Ивановича. Они словно чувствовали: другой батюшка не придёт. В храме Фаина узнала: отца Гавриила выпустили из лагеря. На все расспросы он кратко отвечал: компетентные люди разобрались, не нашли за ним никакой вины и выдали о том справку с печатью. Но знающие люди опять сообщали: батюшка вымолил жену начальника лагеря от тяжкой болезни и тот, в благодарность, исходатайствовал ему освобождение. Было ли это правдой или нет, никто не мог сказать, а старец молчал и уходил от вопросов на эту тему. Однажды, когда к отцу Гавриилу особенно приставали с разговорами на эту тему, он даже произнёс небольшую речь:

— Вины за собой я никакой не вижу. Меня обвиняли в антисоветской настроенности и агитации. Настроен я религиозно, я человек верующий, но против нынешней власти я никогда не был и антисоветской агитацией никогда не занимался. Нигде и никто не слышал от меня враждебных слов в адрес советской власти и её вождей. Сборищ не собирал, проповеди говорил только в церкви, призывал верующих к честному труду и исполнению гражданских обязанностей, заботе о семье и быть полезным членом общества и государства. Меня также обвиняли — я игнорирую науку и её достижения. Это также неправда, науку я люблю и всю жизнь учусь и другим советую учиться, ибо учение — свет, а неучение — тьма. Наука облагораживает человека и облегчает ему жизнь.

Пред людьми науки я преклоняюсь и превозношу их имена, труды и открытия. О сотворении на земле жизни и человека говорил, как написано в Святом Писании, по-другому и не мог сказать. И всё сказанное ни в коем случае не противоречило достижениям естественных наук. Проповеди произносились в строго церковном духе, и ни в какой мере не касались политики. Честные советские следователи разобрались во всей клевете, возносимой на меня, и признали меня невиновным.

Вечером Фаина пошла на исповедь к отцу Гавриилу. Служба ещё не началась, и батюшка на заднем дворе пилил и рубил дрова. Прямые и толстые плашняки он складывал в поленицу про запас, а все обрубочки, тонкие и кривые ветки — оставлял на вечернюю топку. В безлесом степном краю с топливом всегда были проблемы. Негромким, но приятным голосом старец напевал «Лучину», любимую с детства песню Фаины. Она не выдержала и в унисон с батюшкой запела: «То не ветер ветку клонит...» Отец Гавриил встретил Фаину как родную, как будто он много раз видел её. Немного попенял для порядка:

— Вот молилась бы ты, матушка, за усопшего мужа почаще, по колдуньям всяким не бегала, ничего бы с тобой и не случилось. Глупая ты больно. Счастье тебе Господь посылает, а ты от него бегаешь.

— Не буду больше, — рыдала женщина.

— Вот и хорошо, что больше не будешь. Поклянись в этом перед Крестом и Евангелием.

Потом батюшка долго говорил Фаине, как надо жить, к чему стремиться и что избегать. А она вытирала мокрые глаза и старалась запомнить, как можно подробнее, чтобы ничего не перепутать и не упустить. Из церкви она вышла одной из последних, вместе со старцем. Сторож гремел ключами, запирая храм. На улице было уже темно. «Хоть глаз выколи», — подумала Фаина и увидела, как из глубины кладбища, с одной из могил, поднялся огненный шар. В ужасе она громко вскрикнула. Батюшка спокойно перекрестил её, а когда шар пролетел над ними, сказал: «Это кто-то сильно плачет о покойнике и дьявол в виде усопшего летит к тому дому. Не надо плакать, когда покойник умирает. Ну, поплачь немножко, а переживать сильно не нужно. А то такой вот дьявол прилетит».

Вернувшись домой из храма, Фаина узнала от дочки: Сергей Иванович заходил попрощаться. Он уезжал ранним утром и просил не беспокоиться, не провожать его. Но Фаина не собиралась менять планы, тем более она взяла отгул на работе, и грядущий день был свободен. Она битый час думала, что ей надеть. Честно говоря, особо выбирать нечего. Пальто, уже достаточно истрёпанное, валенки с галошами. Новым был только пуховый платок, купленный по случаю, так и ненадёванный. Теперь наступило самое время обновить его. Утром перед выходом Фаина долго решала, подкрасить ей

губы или нет — помада у неё хранилась чуть ли не со времён свадьбы. Наконец, она пришла к выводу, что с накрашенными губами будет выглядеть слишком вызывающе, и положила косметику на место. Вокзал, несмотря на раннее время, был переполнен. Очередь в кассы тянулась через весь зал ожидания и вылезала на улицу. Из буфета тянуло ароматом свежесваренного кофе. А на улице пахло каменным углём, нефтью и горелым железом. Фаина с детства любила эти запахи, напоминавшие о дальних странствиях, о том, что жизнь не кончается за порогом родного дома, а только начинается. Сергей Иванович появился незаметно. Носильщик с трудом толкал за ним тележку, уставленную здоровенными, тяжёлыми на вид кофрами.

— Книги, — сообразила Фаина. Личные вещи уместились в паре небольших потрёпанных чемоданчиков. Всю эту пирамиду на тележке венчало охотничье ружьё в дерматиновом чехле.

— В свободное время будете за зайчиками бегать, — улыбнулась Фаина.

— Да. Вообще-то я люблю просто гулять по лесу, — засмутился Сергей Иванович. — Но если я буду заниматься этим просто так, надо мной смеяться будут. А тут — вроде бы делом занят, на охоте.

Он рассказал, как, гуляя по Москве, случайно зашёл в оружейный магазин на Арбате и тут же приобрёл понравившееся ему ружьё.

— И документов никаких не потребовалось? — удивилась Фаина. Ей всегда казалось, что оружие всегда

связано с кучей справок и разрешений.

— Какие документы, — искренне удивился Сергей Иванович. — Деньги платишь и всё. Оружия после войны на руках столько осталось, ты представить себе не можешь. Настоящего, боевого. А тут гладкостволка охотничья. Впрочем, у нас бюрократы ещё те, на что угодно готовы, лишь бы видимость деятельности создать. Придёшь, к примеру, когда-нибудь — не то что ружьё, а билет покупать на поезд или самолёт, и у тебя паспорт требуют.

Фаине тоже стало смешно от одной мысли — для покупки билета может потребоваться паспорт. А Сергей Иванович от одной этой мысли закатился раскатистым смехом. Так они перекидывались ничего не значащими фразами, шутками, и никто из них не дерзал сказать главное, что таилось в душе каждого из них.

— Пойдём, кофе попьём, — предложил Сергей Иванович. — Я ещё не завтракал.

— Иди, — согласилась Фаина, — я не буду.

Она поколебалась немного и откровенно сообщила:

— Я как тебя провожу, хочу в церковь пойти, причаститься. Как раз к поздней литургии успею.

— Ты молодец, — улыбнулся Сергей Иванович. — Записки напиши, мою маму помяни и меня.

Подошёл владивостокский скорый. Зелёный паровоз с красной полосой по всей длине и с красными колёсами, окутанный паром, казалось, на минуту заснул, чтобы, пере-

дохнув, рвануться на восток сквозь бескрайние степи и леса. Заработало радио. Зазвучало красивое и тревожное танго «В дальний путь». Носильщик, ожидавший на платформе, напомнил: через десять минут поезд отправится. Сергей Иванович назвал номер вагона, а когда вещи были занесены в купе, сунул ему пару красненьких. Служащий, не привыкший в глухой провинции к такой щедрости, долго кланялся и благодарил. У входа в международный вагон, в отличие от плацкартных и общих, других пассажиров не было. Двое влюблённых стояли друг против друга и молча смотрели лицо в лицо. Свистки кондукторов вывели их из оцепенения.

— Дорогая, приезжай ко мне с Вале́й. Жить есть где, работа найдётся.

Через пару лет эта стройка превратится в сотысячный город. Что тебе здесь терять, только тяжёлые воспоминания, — Сергей Иванович наконец-то собрался с силами и выдал то, что давно хотел сказать, но никак не решался.

Фаина потупила глаза. Ей захотелось обнять Сергея Ивановича, и прижаться лицом к его щеке, и стоять так, пока поезд не тронется. Но тут она вспомнила: проводив его, собиралась в церковь и целоваться с женщиной перед причастием не стоит.

— Я подумаю, — почти беззвучно ответила она.

22 мая 2020 года.

*Памяти
свт. Николая Мирликийского*